

ШПИОН МАНИЯ

Сергей
Зверев

тайна важнее
жизни

разведчик-
нелегал

Разведчик-нелегал

Сергей Зверев

Тайна важнее жизни

«Научная книга»

2009

Зверев С. И.

Тайна важнее жизни / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2009 — (Разведчик-нелегал)

В Израиле археологами было найдено древнее строение, названное Круги Рефаимов, – гигантские конусы каменных глыб, расставленные строго по кругу в несколько рядов. Ученые всего мира выдвигают самые разнообразные версии о происхождении и назначении этого сооружения, но мало кто из них имеет возможность проверить свои гипотезы – израильская политическая разведка «Моссад» закрыла любые доступы к реликвии. А раз так, значит, им известен важный секрет Кругов. В районе сооружения бесследно исчезают двое иностранных ученых... Французский исследователь, утверждавший, что ему удалось разгадать тайну строения, погибает от рук арабской террористки... Цепь таких событий не могла остаться в стороне от интересов спецслужб сразу нескольких государств. Под прикрытием разведки в Израиль отправляется российский ученый Олег Мещериков с заданием выяснить, что скрывает «Моссад»...

© Зверев С. И., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Зверев

Тайна важнее жизни

Пролог

– Что происходит?! Я... Я не понимаю... Господи!

Его глаза наполнились неподдельным ужасом. В расширившихся и даже, казалось, выкашившихся зрачках отплясывали свой сатанинский танец отблески меркнувшего огня. Пламя факела металось из стороны в сторону, и трудно было сказать, что являлось истинной причиной такого его поведения: безумная дрожь пальцев, из последних сил сжимавших гладкое, слегка промасленное древко, или неизвестно откуда взявшиеся порывы ветра. Впрочем, последнее могло оказаться не более чем галлюцинацией. Гарантированно поручиться за что-либо уже было невозможно. Невидимая тонкая грань, и без того едва осязаемая на уровне чувств и эмоций, стиралась с каждым мгновением. Грань между миром реальным и нереальным.

– Мне не хватает!.. Не хватает воздуха...

Факел выскользнул из его руки и упал на жесткий бетонный пол. Он опустился рядом с ним на колени, пытаясь сфокусировать рассеивающееся зрение. Резко дернул ворот рубашки. Треснула ткань, покатались по бетону две оторванные верхние пуговицы. Тяжелое и прерывистое дыхание. Он чувствовал, насколько сильно оно изменилось. И тошнота. И головокружение...

– Робер!..

Он с трудом повернул голову влево. Его друг уже лежал ничком, обхватив руками массивную колонну. Щуплое костлявое тело, покрывшееся кровавыми струпьями в области шеи и оголенных до локтей рук, сотрясали конвульсии.

– Робер!

Он не откликнулся на зов. Даже никак не отреагировал на него. А был ли он на самом деле? Был ли этот оклик в действительности или рот только бесшумно открывался, как у выброшенной на сушу беспомощной рыбы? Способно ли было его пересохшее и будто отекавшее изнутри горло выдавить хоть какой-то человеческий звук? Даже в этом совершенно четкой уверенности быть не могло...

Его вырвало. Буквально вывернуло наизнанку, отняв последние, теплившиеся где-то в глубине некогда мощного и здорового организма силы. Он еще раз дернул рубашку, уже полностью обнажая торс с густыми волосами. Легче не стало. Ни на йоту. Хотелось рвать теперь и эти волосы на груди... И даже сдирать ногтями кожу.

Он потерял равновесие и ткнулся лицом в пол. Всполохи догорающего факела, валявшегося слева, обожгли ему плечо. Но он не почувствовал боли. Зато совершенно явственно ощутил запах собственной рвоты и крови. Угасающее сознание заставило его отвалиться на бок. Последняя попытка концентрации не принесла желаемого результата. Исчезло последнее, что еще единило его с окружающим миром, – зрение. Глаза застилала мутная кроваво-красная дымка.

«Что же это?.. Господи!.. Что убивает нас? Или кто?..»

Как же так получилось? Они даже не успели толком ничего разглядеть. Смерть пришла стремительно, за считанные секунды. Но откуда она взялась? Сумрачное помещение буквально навалилось на них, уменьшилось в размерах. Обрушился свод? Он этого не помнил. Он уже ничего не помнил... Включая и собственное имя, не говоря о чем-то большем.

Поутихшее было пламя разгорелось с новой силой, отыскав для себя более благодатное прищипье. Острые оранжевые языки, продолжая выводить свои жуткие, никому не понятные

па, перекинулись на одежду неподвижно лежащего на холодном мертвом бетоне седовласого мужчины. Безжалостный огонь безумствовал, чувствуя свою безнаказанность. Чувствуя, что ему уже никто не сможет оказать никакого сопротивления. Терзаемая жертва была мертва.

Утихли предсмертные конвульсии и другого мужчины. Он распластался возле колонны в неестественной позе, подвернув под себя правую ногу и откинув назад голову. Его нелепый огромный кадык кровоточил, словно по нему только что в нескольких местах полоснули опасной бритвой. Из раскрытого рта выпали прогнившие передние резцы и повисли на опухшей нижней губе.

Все было кончено... Смерть быстро сделала свое черное дело, уложившись в короткие сроки. Но для тех, кого она выбрала для себя в качестве мишеней, так и осталось загадкой то, что же именно эту смерть породило.

«Что убивает нас?..»

Глава 1

Гордон Вентайл не сразу поднял голову на звук отворившейся двери. Еще больше минуты после этого он сосредоточенно водил шариковой ручкой по наполовину исписанному мелким убористым почерком листу бумаги. Время от времени он пробегался острым языком по краешкам губ, и замерший на пороге кабинета Вентайла Рифе Меер каждый раз с легкой усмешкой наблюдал за этой привычкой шефа.

Наконец Вентайл прервал свое занятие, щелкнул ручкой, пряча стержень в металлический корпус, и небрежно отбросил ее в сторону. Отпер ключом верхний ящик стола, одним движением руки смел в него все, что до этого покоилось на столешнице, и вновь замкнул ящик. Крохотный ключик скрылся в боковом кармане пиджака. Поднялся на ноги.

– Ну?

Еще по одной присущей ему привычке Вентайл слегка склонил голову набок, разглядывая полное розовошеекое лицо подчиненного. Вентайл, занимавший в израильской секретной службе, именуемой «Моссадом», аббревиатура которой в переводе с иврита расшифровывается как «Институт безопасности и специальных задач», положение далеко не последнее, был шестидесятилетним мужчиной среднего роста, коренастым, очень смуглым, с выразительными индоевропейскими чертами лица. У него были пышные усы и густая, с проседью борода. Его блестящие, близко посаженные глаза смотрели на собеседника со спокойным, но, казалось, вполне искренним любопытством. Вентайл заложил руки за спину.

– Она уже в сканкамере, Гордон, – негромким, слегка свистящим на выдохах голосом ответил Меер. – Профессор Гринберг проделал все необходимые приготовления и предварительные тесты... Хочешь сам взглянуть на это?

– Разумеется, Рифе.

Вентайл ненадолго вернулся к своему рабочему месту, дернул со спинки стула пиджак, набросил его на плечи и только после этого двинулся к выходу. Меер пропустил его вперед. Вентайл запер кабинет, и оба мужчины направились по коридору в левую сторону, туда, где располагались лифтовые кабины. Невзирая на преклонный возраст, шел Вентайл энергично и пружинисто. Он будто при каждом движении отталкивался от поверхности пола узким носком ботинка. Меер едва поспевал за ним, широко размахивая руками на ходу. На лбу Рифе выступила едва заметная испарина, и, уже достигнув лифта, он смахнул ее тыльной стороной ладони. Вентайл вдавил в стену квадратную черную кнопку, и двери лифта, словно только и ожидая этого момента, тут же разъехались в стороны. Вентайл, а следом за ним и Меер шагнули в довольно тесное, пронизанное красным рассеянным светом помещение, и кабинка бесшумно понесла их вниз.

Меер предпочитал погружаться в недра подвальных лабораторий здания как можно реже. Без лишней необходимости он вообще старался не только не появляться там, но и не вспоминать об их существовании. Вентайл, занятый исключительно застегиванием пуговиц своего пиджака, вел себя, казалось, вполне естественно и непринужденно. Ему-то, в отличие от Меера, приходилось спускаться в лаборатории едва ли не каждый день. Раза два-три в неделю точно. Именно на нем лежала вся ответственность за проводимые «Моссадом» опыты подобного толка, и в частности за деятельность профессора Гринберга. Если он и замечал легкую нервозность со стороны Рифе Меера, открыто на нее никак не реагировал.

Лифт открылся, выпуская мужчин в длинный, узкий, как кишечник, темный коридор. Определить место, где этот коридор заканчивался, в принципе не представлялось возможным. Дальние очертания коридора уже на расстоянии трех метров терялись во мраке. Однако Вентайл и его спутник не ставили перед собой задач отправиться в такое далекое путешествие по недрам подвальных строений. Прекрасно ориентируясь в сумерках коридора, идущий впе-

реди Вентайл в полутора метрах от лифта свернул в едва различимый проем справа и остановился перед массивной звуконепроницаемой железной дверью. Достал из кармана пиджака ключ-карточку, вставил ее в прорезь, расположенную на уровне бедра, и провел ее по сканирующему замку. Устройство тихо пискнуло, проводя идентификацию личности. Вентайл вернул карточку на прежнее место. Замок щелкнул, и дверь открылась. Меер рефлексивно оглянулся через плечо, проверяя, не наблюдает ли кто за ними, хотя и понимал всю бессмысленность этого своего действия. Вентайл отступил в сторону.

– Заходи, – коротко распорядился он, обращаясь к соратнику.

Рифе переступил порог лаборатории, которая вот уже на протяжении двух последних лет в шутку именовалась «святая святых профессора Гринберга», да, надо заметить, по существу таковой и являлась. Ходили слухи, что профессор не только работал, но и жил здесь, однако стопроцентных доказательств этого факта у Меера не было. Он прошел вперед и с интересом огляделся по сторонам. Круглое лицо Меера уже не казалось таким розовощеким. То ли от волнения краска схлынула с его лица, то ли заметить ее было невозможно в силу окутывающего лабораторию бледно-зеленоватого света, поступавшего неизвестно откуда.

Последний раз Меер был в апартаментах у Гринберга более трех месяцев назад, но за это время здесь мало что изменилось – все то же сумеречное помещение, заставленное различной аппаратурой, как находящейся в рабочем состоянии, так и ожидающей своего часа.

Сам профессор Гринберг, пожилой человек с седой курчавой шевелюрой и маленькими лисьими глазками на остром лице, облаченный в белый мятый халат, восседал в низком крутящемся кресле перед довольно большим пультом управления, увенчанным тремя смежными мониторами. На самом большом из них, расположенном по центру, Меер не заметил ничего, кроме изображения подрагивающей разноцветной синусоиды. На левом, поменьше, отображалась модель человеческого мозга, окутанная странной туманной дымкой. Правый монитор синего цвета был пуст. На голове у Гринберга располагался заведенный на эластичном держателе за ухо микрофон, но сам динамик замер в более высоком положении, чем требовалось. Он был не у губ профессора, а почти вплотную соприкасался с его морщинистым старческим лбом. Гринберг увлеченно выстукивал что-то на клавиатуре, сверяясь только с показаниями приборов и совершенно игнорируя то, что находилось непосредственно перед ним.

В смежной комнате, которая и являлась по сути той самой легендарной сканкамерой, отделенной от основной лаборатории только стеклом, просматривалась расположенная под углом капсула, тускло поблескивающая таким же бледно-зеленым светом, как и все остальное помещение. В капсуле в форме пятиконечной звезды, или, что было бы более точно сказано при данных обстоятельствах, в форме «Виртуального человека» Да Винчи, столь привычного для школьных обложек по анатомии, располагалась девушка. Она была полностью обнажена, и Меер не мог не отметить идеальных пропорций ее тела. Тонкие, словно точеные, ноги, плоский живот, средних размеров высоко поднятая грудь с маленьким ореолом вокруг темно-коричневых сосков, прямая спина. На голове у девушки было нечто вроде шлема с невысоким «забралом», скрывающим верхнюю часть ее лица. Разглядеть можно было только ее острый подбородок, чувственную линию слегка припухлых губ, маленький кончик носа и ровные линии скул, как у азиатки. Длинные черные волосы, выступающие из-под шлема, прямыми прядями падали на гладкие, мраморного оттенка плечи.

Тело девушки подрагивало, и эта вибрация усиливалась или уменьшалась в зависимости от того, в какое положение Гринберг ставил плоскую черную ручку с красной стрелкой, направленной на растянувшийся по дуге циферблат. Он то и дело менял показания в пределах от семидесяти до девяносто пяти, быстро занося получаемые при этом результаты в базу данных своего компьютера. Меер отметил, что одновременно с изменениями вибрации обнаженного тела, менялось и направление синусоиды на основном мониторе.

Меер почувствовал себя неудобно. Будто ему довелось присутствовать в некоей модернизированной камере пыток. Он замер на месте, не в силах приблизиться к стеклу, за которым в своей тесной капсуле находилась обнаженная девушка. К горлу невольно подкатил какой-то предательский тошнотворный ком, но Меер быстро сумел справиться с этим неприятным ощущением и взять себя в руки.

Вентайл решительно обогнул Меера и приблизился к рабочему месту профессора. Встал справа от него и, прищурившись, внимательно посмотрел через стекло на девушку. Рифе предпочел не подходить ближе.

Гринберг щелкнул одним, затем другим тумблером на пульте управления и наполовину повернул плоскую черную ручку с края таким образом, что обозначенная на ней красная черточка коснулась отметки с цифрой пятьдесят. Тело девушки тут же замерло и погрузилось в состояние полного покоя.

– Как она? – поинтересовался Вентайл, не глядя на профессора.

Последний также не соизволил повернуть головы в сторону собеседника, наблюдая за равномерными извилинами разноцветной синусоиды на экране своего монитора.

– Если вы имеете в виду ее физическое состояние, – разговаривая, Гринберг слегка прищмокивал дряблыми старческими губами, – то, поверьте мне на слово, Гордон, она еще никогда в жизни не находилась в такой превосходной форме. Да что там она... Артериальное давление, температура тела, работа органов – с такими показателями человека можно смело отправлять в космос даже без специальной на то подготовки...

Гринберг гаденько хихикнул, и у стоящего чуть позади него Меера от этого смешка почему-то невольно побежали мурашки по коже, и он зябко поежился.

– Но и это только цветочки, Гордон, – продолжил профессор. – Гораздо большее значение имеют ее чувства. Они обострены до предела. Зрение, слух, обоняние... Мне удалось добиться того, что все ее чувства работают на тридцать процентов эффективнее, чем у любого нормального человека. Можете себе это представить? Тридцать процентов!..

Гринберг торжествовал. По губам его блуждала самодовольная улыбочка, он покачивал головой в такт каждому своему слову, а в завершение энергично потер друг о друга покрытые с тыльной стороны пигментными пятнами сухощавые ладони. Похоже, что сегодня он как никогда восторгался собственной гениальностью. Однако серьезное, напряженное лицо Вентайла со все еще устремленным на девушку испытующим взглядом, напротив, свидетельствовало о том, что он не разделяет оптимизма профессора. И Меер понимал, почему. Вентайла интересовало совсем другое.

– Что с ее мозгом, профессор? – открыто спросил он.

Гринберг пожал плечами.

– Одну минуту. Сейчас вы сами сможете убедиться в его функциональности, Гордон. – Он снова повернул ручку, и теперь красная метка коснулась цифры семьдесят пять. Нажал пару кнопок и опустил микрофон со лба на уровень нижней губы. – Это профессор Гринберг. Вы меня слышите, Айсана?

– Да, я вас слышу, профессор.

С той точки, где стоял Меер, было не видно, как ожили и разомкнулись губы девушки, но в том, что в диалог с Гринбергом вступила именно она, сомневаться не приходилось. Меер прежде уже слышал ее голос. Он инстинктивно шагнул вперед, желая понаблюдать за происходящим. Вентайл распрямил плечи и теперь уже просто вонзился взглядом в распростертое в капсуле тело девушки.

– Прекрасно, – Гринберг ощерил маленькие зубы. Он действительно получал наслаждение от проделываемой им самим работы. – Послушайте, Айсана. Я буду показывать вам сейчас геометрические фигуры, а вы будете называть их. Договорились?

– Да.

Теперь уже Меер мог отчетливо видеть шевеление ее губ. Тем временем пальцы Гринберга забегали по клавиатуре, как у пианиста-виртуоза, а на маленьком синем мониторе, расположенном правее основного, стали появляться четкие очертания светящихся геометрических фигур. Одна фигура сменялась другой. Судя по всему, девушка могла видеть точно такие же изображения на экранчике с внешней стороны своего «забрала», потому как ее негромкие ответы были последовательными и своевременными.

– ...круг, ромб, параллелограмм, трапеция...

– Замечательно. – Синий экран монитора погас. – Просто замечательно, Айсана. А теперь я буду озвучивать вам названия государств, а вы мне называть их столицы. Готовы?

– Готова, – монотонно ответила девушка.

Меер отметил, что все это время интонации ее голоса не изменились ни на йоту. Она говорила как запрограммированный робот.

– Тогда приступим, – Гринберг откинулся на спинку кресла. – Бельгия.

– Брюссель.

– Польша.

– Варшава.

– Руанда.

– Кигали.

– Камерун.

– Яунде.

– Бутан.

– Тхимпху.

– Соломоновы острова.

– Хониара.

Девушка отвечала быстро. Без запинки, без раздумий, без колебаний. Меер не удержался и восхищенно присвистнул. При этом он заметил, что и Вентайл удовлетворенно качает головой.

– Блестяще, Айсана, – одобрил ее ответы Гринберг и снова склонился над клавиатурой. – Сейчас будет задание посложнее. Сосредоточьтесь. Я буду показывать вам фотографии известных людей различных эпох, а вы будете мне их называть. Готовы?

– Готова, – снова ответила Айсана тем же бесцветным голосом.

Меер подошел еще ближе. На синем экране монитора возникло графическое изображение Помпея. Для ответа девушке потребовалось не более секунды.

– Это римский полководец Помпей, – сказала она.

На экране появилось новое изображение. Лицо этого человека Мееру было совершенно незнакомо. Но оно нисколько не смутило девушку. Она вновь без запинки ответила:

– Это Бьюкенен. Пятнадцатый президент США.

Гринберг кивнул, щелкнул правой кнопкой мыши, и на экране возникло еще одно незнакомое Мееру лицо.

– Мадеро, – ответила девушка. – Мексиканский дипломат конца девятнадцатого века.

Новое изображение.

– Караваджо. Итальянский художник шестнадцатого-семнадцатого веков.

Гринберг выдержал паузу и поднял вверх указательный палец, как бы предлагая Вентайлу и Мееру повысить внимание. Затем он вновь щелкнул мышкой, и на экране появилась фотография лидера одной из самых фанатичных группировок арабских экстремистов Нафеза Анбааса. Айсана молчала. Гринберг улыбался. Пауза затягивалась.

– Ну? – поторопил он девушку в микрофон.

– Я... Я не знаю, – будто через силу выдавила она из себя и уже через пару секунд уверенно добавила: – Я не знаю этого человека.

– Хорошо, – сказал Гринберг. – А этого?

На экране монитора появилась фотография самой девушки, находящейся в капсуле по ту сторону стекла. Только теперь помимо нижней части ее лица можно было видеть и верхнюю. Тонкая, как струна, переносица, черные выразительные глаза с большими пушистыми ресницами, высокий лоб, обрамленный с двух сторон прямыми темными волосами.

Но Айсана снова хранила молчание. Гринберг не стал торопить ее. Через минуту она разомкнула губы и призналась:

– Не знаю.

Чувствовалось, что она слегка разнервничалась. Даже синусоида на основном мониторе изменила свое движение.

– Ладно, – сказал Гринберг. – На сегодня достаточно, Айсана. Спасибо.

– Вы можете выключить связь с ней, профессор. – Вентайл уже стоял рядом с ним.

– Да, конечно.

В очередной раз защелкали тумблеры, а заветная черная ручка вернулась к отметке «пятьдесят». Тело девушки расслабилось.

– Она нас не слышит? – на всякий случай поинтересовался Вентайл.

– Нет. Я полностью контролирую ее сознание, Гордон, – не без апломба похвалился профессор. – Вы же видели все собственными глазами. Впечатляет? А?

– Вне всяких сомнений вы добились потрясающих результатов, профессор, – как всегда, Вентайл был скуп по части эмоций, отдавая предпочтение практической стороне дела. Он повернул голову к Мееру. – Как у тебя обстоят дела с объектом, Рифе?

– Мы держим его под бдительным наблюдением.

– Надеюсь, нас не постигнет с ним та же участь, как и с теми двумя? – Вентайл нахмурился. – Вы их, кстати, так и не обнаружили?

Меер невольно опустил взгляд. Всегда неприятно, когда тебе напоминают о былых ошибках в присутствии посторонних лиц, а Меер и подавно относился к этому щепетильному вопросу особенно болезненно. Но вопрос был поставлен и требовал ответа.

– Увы, – вынужденно признался он. – Они бесследно исчезли, и я боюсь, Гордон, что...

– Об этом потом, – осадил его Вентайл. – Не здесь и не сейчас. Я хочу, чтобы ты передал профессору все данные по объекту, а вы профессор, – Вентайл опустил на плечо Гринберга свою тяжелую ладонь и коротко кивнул в сторону девушки, – загрузите эти данные в ее голову. Вся необходимую информацию, а также указания к действиям. Вашего контроля над ней окажется достаточно для этого?

– Обижаете, Гордон, – профессор надул губы.

– Отлично. Тогда приступайте. У нас не так много времени. – С этими словами Вентайл развернулся и быстро зашагал к выходу из лаборатории. Уже только у самого порога, взявшись за ручку двери, он обернулся и добавил более мягко: – Отличная работа, Гринберг. Поздравляю. Я вами доволен.

Профессор криво улыбнулся.

* * *

Будильника Фери не слышал, хотя он прекрасно помнил, что поставил его вчера вечером на семь часов утра. Скорее всего, последний подавал в указанное время настойчивые сигналы, но погруженный в объятия Морфея Фери их просто не слышал.

Его разбудил в районе девяти часов утра телефонный звонок. Настойчивая непрерывная трель врывалась в затуманенное сном сознание, заставляя его вернуться в реальность. Фери разлепил тяжелые уставшие веки, быстро провел двумя руками по лицу и усилием воли заста-

вил себя принять сидячее положение. Изможденный организм еще не проснулся полностью, а рука Фери уже машинально потянулась к телефонному аппарату. Он снял трубку.

– Анри Фери слушает, – с типичной по утрам хрипотцой в голосе отозвался он.

На вид ему было лет сорок пять или пятьдесят. Седеющие волосы он весьма своеобразно зачесывал вперед, желая скрыть свою лысину, присутствие и постоянное увеличение которой являлось для Фери большой неприятностью. Он откровенно комплексовал по этому поводу. У Фери было румяное, пышущее здоровьем лицо и печальные карие глаза, как у собаки-ищейки.

– Доброе утро, месье Фери, – раздался в трубке звенящий металлический голос директора французского научно-исследовательского института в Париже Жюльена Деламара, спутать который Фери не смог бы ни с одним другим голосом в мире. – Хотя вернее будет сказать, добрый день. От вас давно уже не поступало никаких сведений... И теперь я понимаю, почему. Надеюсь, вам там вольготно отдыхается, месье Фери? Извините, что побеспокоил вас, но налогоплательщики очень уж желают знать, на что идут их драгоценные денежки.

Фери отбросил в сторону одеяло, поднялся с кровати, прошел к стулу, на котором была аккуратно сложена его одежда. Перебивать Деламара, пока тот вдоволь не насладится виртуозностью своей извечно ироничной речи, было делом бесполезным и бесперспективным. За двенадцать лет работы в парижском НИИ Фери знал об этом, может быть, лучше всех. Потому и не пытался вставить в монолог шефа хоть слово. Придерживая плечом трубку, он спокойно натянул брюки, затем накинул рубашку и, не застегивая ее, прошел в ванну. Пустил воду, всмотрелся в свое отражение в зеркале. Свободной рукой пригладил волосы в нужном направлении. Остатки сонливости полностью испарились.

– Что вы молчите, Фери? – голос Деламара стал громче и требовательнее. – Вы снова уснули?

– Нет, месье Деламар, – ответил ученый. – Я внимательно слушаю вас...

– Слушаете меня?! Черт возьми, Фери, это мне хотелось бы выслушать вас. Чем объясняется ваше упорное молчание?

– Я работаю, месье Деламар.

– Это прекрасно. Просто прекрасно! – Было слышно, как Деламар щелкнул зажигалкой, прикуривая сигарету, а это означало, что он начинает успокаиваться, постепенно гася эмоции. – Только нам хотелось бы знать о результатах вашей работы.

Фери одной рукой плеснул на лицо воды, снял с вешалки полотенце и вытерся. Закрыв воду и вышел из ванной комнаты. Гостиничный номер в Иерусалиме, который он мог позволить себе на выделенные НИИ деньги, был далек от роскошного, но куда большим препятствием в работе было то, что место проживания Фери располагалось слишком далеко от интересующего институт объекта. Даже на машине приходилось добираться более полутора часов.

– Похвастаться пока нечем, месье Деламар. – Фери опустил в кресло и поставил на колени ноутбук. Откинул серебристую крышку с экраном. – Круг Рефаимов действительно представляет собой загадочное и интересное для науки место. Сходство местных дольменов с теми, что были обнаружены и на территории Франции, почти полное.

– Почти? – уточнил Деламар.

– Внешняя идентичность стопроцентна, – разговаривая с боссом, Фери попутно открывал один файл за другим, бегло проглядывая собранную им информацию. – А вот если изначально исследования лишайников и углеродной датировки найденных черепков свидетельствовали о том, что Гилгал Рефаим был сооружен ориентировочно за три тысячи лет до нашей эры, то я, проведя собственные анализы, склонен усомниться в определении их возраста. Скорее эта цифра будет выглядеть как шесть тысяч лет до нашей эры...

– Месье Фери, – прервал его тираду Деламар. – Бесспорно, эти ваши выкладки и изыскания будут интересны, когда вы сможете представить их на коллегии ученых здесь, в Париже, но в данный момент меня интересует другое. И вы прекрасно знаете, что именно.

– Да, знаю. – Фери откашлялся. – Но боюсь, что у меня пока нет реальных подтверждений версии, высказанной уважаемым профессором Гросса. Гилгал Рефаим действительно построен таким образом, что в каменных кругах имеются два больших проема, один из которых смотрит на север, а другой на юг. Через южное отверстие, и я сам убедился в этом факте, появляется уникальная возможность для наблюдений за Сириусом, однако...

– Что «однако»? – живо поинтересовался Деламар.

– Однако я обнаружил нечто более оригинальное, что не было замечено прежде ни одним из ученых, работавших в этом направлении. – Всякий раз, когда Фери говорил о какой-либо интересующей его теме, глаза его загорались, а речь заметно убыстрялась. – Не могу точно сказать, насколько это подтвердит или опровергнет гипотезу Гросса, но...

Фери замолчал. Резко оборвал сам себя на полуслове, будто неожиданно наткнулся во время разговора на невидимую непреодолимую стену. Вся информация, которой он только что хотел поделиться с Деламаром, находилась на экране ноутбука прямо перед глазами, но, вместо того чтобы осветить ее, Фери закусил нижнюю губу.

– Что случилось, Фери? – недовольно откликнулся директор НИИ в Париже. – Какого черта вы замолчали? Я внимательно слушаю вас. Что вы там нашли такого?

Фери несколько раз шумно вдохнул и выдохнул, чувствуя, как у него самого от волнения усилилось сердцебиение.

– Месье Деламар, – медленно, с расстановкой произнес он. – Я думаю, что об этом пока не следует говорить... Во всяком случае, по телефону точно. Но, мне кажется, если мои догадки подтвердятся, то это может стать величайшим открытием за последнее время. Прошу вас, наберитесь немного терпения.

На этот раз несколько минут хранил молчание Деламар.

– Вы меня заинтриговали, Фери, – признался он. – Но хорошо. Пусть будет по-вашему. Сколько времени вам потребуется для того, чтобы предоставить полный отчет на эту тему?

– Если все пойдет гладко, – уклончиво ответил Фери, – то, возможно, не более двух-трех дней.

– Я подожду. – Деламар явно соглашался с большой неохотой, но он прекрасно осознавал, что в сложившейся ситуации выбора у него нет. – Последний вопрос, месье Фери...

– Да?

– Вам удалось связаться с Вуалье и Кристаном?

– Нет, месье Деламар. – Фери уже не столько внимательно слушал своего собеседника, сколько был мысленно погружен в светящуюся на экране ноутбука информацию. – Но думаю, что они пошли тем же путем, что и я. И, возможно... Возможно, это их погубило...

– Погубило? Ваши высказывания пугают меня, Фери. Что значит «это их погубило»?

– Месье Деламар, – после недолгой паузы откликнулся Фери. – Я обещаю все объяснить вам, как только сам разберусь... в этом вопросе. Мы ведь, кажется, договорились. Два-три дня.

– Ладно, – окончательно сдался директор. – Вам там виднее, Фери. Я буду ждать вашего звонка.

– Непременно, месье Деламар. До свидания.

Фери выключил трубку радиотелефона и осторожно опустил ее на подлокотник кресла. Закрыв на экране ноутбука единственный на данный момент работающий файл. Поставил на него курсор, подумал пару секунд, а затем решительно нажал кнопку «Delete». Будет гораздо лучше, если информация подобного рода будет храниться только в его голове.

* * *

Она не могла оторвать от него глаз. Да, она понимала, что ему уже далеко за сорок и он, умудренный жизнью мужчина, судя по складу характера, вряд ли пойдет на какие-либо личные

отношения со своей двадцатилетней студенткой. Но Алина ничего не могла с собой поделать. В профессоре Мещерекове ее завораживало буквально все. Его внешность, манера поведения, то, как он читал лекции и подавал материал.

Одного взгляда на его фигуру, худую чуть ли не до состояния истощения, было достаточно, чтобы понять, что он настоящий фанатик диеты. Мещереков был низкорослым. Грудная клетка и подбородок выдавались вперед, как у тощего петуха. Он был довольно щегольски одет – в светло-голубую рубашку и такого же оттенка брюки. Алина не могла не признать и того факта, что профессор старомоден в своих вкусах и взглядах. Он носил тщательно подстриженную вандейковскую бородку с очень острым кончиком. Но он ей нравился.

Алина не пропускала ни одной его лекции, тщательно конспектируя все, что он говорил, и в скором времени даже сама тема его занятий, поначалу казавшаяся ей нудной и неинтересной, увлекла девушку с головой. Будучи археологом по специальности, Мещереков был заиклен на различного рода загадках, связанных с таинственными местами на Земле. Изыскания в области религии, исчезнувших континентов, погодных условий, народов древности и так далее. И он умел заразить этой своей болезнью даже на первый взгляд равнодушных ко всему студентов.

– Еще Дженифер Уэствуд говорила о том, что прошлое оставило нам немало загадок, – вещал он со своей кафедры, заложив по привычке большие пальцы рук за брючный ремень и скрестив ладони в области паха, в то время как аудитория в полнейшей тишине внимала каждому его слову. – Стоит только оглянуться вокруг, и вы увидите, что повсюду вас окружают святые места, символические ландшафты. А древние города и затерянные земли привлекают повышенное внимание не только служителей науки, но и школьников, искателей приключений, да и просто туристов. Но... – Мещереков улыбнулся и выдержал долгую театральную паузу. Он чувствовал, что взгляды десятков пар глаз прикованы сейчас к нему в ожидании продолжения. – Практически ни одна из этих загадок так никем и не разгадана к настоящему времени. Все эти места, о которых я сказал выше, упорно хранят свои секреты, не желая делиться ими. И лично я склонен подозревать, а со мной согласны в этом и другие ученые, что большинство из этих тайн не будут разгаданы никогда. И возможно... Возможно, это и к лучшему, друзья мои.

– Почему? – подал голос кто-то из передних рядов.

Спрашивала девушка, и Алину, сидящую намного дальше, невольно пронзил укол ревности. Кто-то из сверстниц открыто вызывал Мещерекова на контакт.

Профессор улыбнулся.

– Потому что природа во многом должна оставаться загадочной, – просто ответил он. – Иначе она перестанет быть нам настолько интересной. Вот взять хотя бы тему нашей сегодняшней лекции. Я хотел поговорить с вами об осадках.

– Об осадках?

– Вот именно. Казалось бы, что тут можно найти интересного или загадочного, спросите вы... А известно ли вам, что на протяжении многих веков история знает случаи, когда с неба выпадали и желатинообразные шарики размером с половинку рисового зерна, и осадки в виде паутины, и кровавые осадки. И даже было два совершенно уникальных в природе случая. Первый, это когда в конце октября 1912 года в Оклахоме всего несколько минут шел дождь из самых настоящих жаб...

Аудитория взорвалась дружным смехом.

– Вы, наверное, шутите, Олег Николаевич? – пробасил крепкого телосложения парень ряда из третьего-четвертого, и его слова были поддержаны новым взрывом смеха однокашников.

Однако Мещереков остался серьезен.

– Отнюдь, – сказал он. – Были даже очевидцы этого уникального случая...

– Дождь из жаб? У кого-то просто развились галлюцинации. Вот и все, – не унимался все тот же парнишка.

На этот раз профессор тоже позволил себя улыбнуться. К подобного рода спорам и дискуссиям, учитывая темы, которые ему приходилось затрагивать на своих занятиях, он успел привыкнуть и относился к ним с присущим ему терпением и тактом.

– Нет, это не было галлюцинациями, – отклонил Мещерекوف скептическое высказывание молодого человека. – Существуют вполне официальные документы на этот счет... Только мне думается, вы не совсем верно представили себе размеры осадков. С неба не падали килограммовые жабы на головы прохожих. – Его слова студенты встретили очередным смехом. Мещереков выдержал паузу. – Каждая из толстеньких коричневых жабок, которых жители Оклахомы поначалу приняли за крупный град, была размером примерно с ноготь большого пальца. Поразительно, но факт... Однако я хотел начать наше с вами общение на тему таинственных осадков с более простого и менее фантастического примера. Желатиновые шарики, о которых я упомянул в самом начале...

Алина подошла к профессору по окончании лекции.

– Олег Николаевич, – робко обратилась она к мужчине, когда тот, все еще стоя за кафедрой, спокойно складывал свои бумаги в старомодный «дипломат»-«мыльницу».

Мещереков обернулся.

– Да?

Алина чувствовала себя неловко. Так было каждый раз, когда она набиралась смелости лично обратиться к своему недостижимому кумиру.

– Простите, я хотела поинтересоваться... – Она чувствовала, как пылают при этом ее щеки, но ничего не могла с собой поделать. Это вводило ее в еще большее состояние дискомфорта. – Помните, вы сказали, что в природе было два совершенно уникальных случая, связанных с осадками. А упомянули только об одном. Мне интересно... Каким был второй случай?

Мещереков улыбнулся.

– Вы забегаете вперед, девушка, – мягко, по-отечески произнес он. – Как вас зовут?

– Алина. Алина Чернышева.

– Очень приятно, – Мещереков протянул ей руку, и девушка с замиранием сердца коснулась его тонких длинных пальцев. – Так вот, как я уже сказал, Алиночка, вы забегаете вперед. Наберитесь немного терпения, и я обязательно скажу об этом втором уникальном случае на нашем следующем занятии.

Аудитория быстро опустела, и профессор остался наедине со своей любопытной подопечной. За окнами стремительно смеркалось. Легкий ветерок покачивал кроны высоких деревьев.

– И вы никогда не проводите внеклассных занятий, Олег Николаевич? – Этот вопрос стоил Алине слишком дорого. Она будто сиганула с обрыва в бурлящую ледяную воду. – Факультативов?.. Вы... Вы могли бы угостить меня чашечкой кофе и рассказать...

Мещереков мягко и осторожно взял девушку за локоть. Поставил «дипломат» на пол и ласково заглянул в ее глубокие изумрудные глаза. Догадаться о том, что он нравится Чернышевой, было несложно. Олег не был докой в такого рода отношениях, но и полным профаном тоже не слыл. Однако он, как человек здравомыслящий, прекрасно осознавал всю тупиковость такой ситуации. Сейчас девушка видела в нем кумира. Умного, интеллигентного мужчину с необходимым багажом жизненных знаний. Но это только сейчас...

– Руководство вуза не поощряет отношений педагогов моего возраста со студентками, да и я сам, знаете ли... Как бы это поточнее выразиться, Алиночка? Наверное, консервативен до безобразия. Старая закалка. – Он засмеялся, рассчитывая снять напряженность ситуации. – А вот что касается факультативов, то об этом стоит подумать. Обещаю вам.

Девушка растерянно молчала, и теперь уже сам Мещереков, против собственной воли, почувствовал себя неловко.

– Вас действительно интересует эта тема?

– Очень. Меня интересует все, о чем вы рассказываете, – откровенно призналась Алина. – Скажите, Олег Николаевич, а вы сами бывали хотя бы в одном из тех загадочных мест, о которых рассказываете?

– Честно? – Мещерекhov заговорщически понизил голос до шепота.

– Конечно, честно.

– Ни разу.

– А почему? Неужели неинтересно?

– Вы даже представить себе не можете, насколько интересно, Алина. – Он поднял с пола «дипломат», галантно взял девушку под руку и повел к выходу из аудитории. – Но для того, чтобы посещать такие места даже в качестве туриста, нужны деньги. Увы, увы! Наша суровая реальность. Все упирается именно в деньги. Вы уж простите меня за эту откровенность. А финансирование нашего института тоже оставляет желать...

Они так и не достигли порога кабинета. Дверь в помещение открылась сама, и навстречу Мещерекхову с девушкой шагнули двое в штатском. Что это были именно люди в штатском, а не просто люди в строгих серых костюмах с галстуками, Олег понял по их выправке еще до того, как те предъявили свои удостоверения. Темно-бордовые корочки мелькнули в воздухе так стремительно, что стоящая рядом с Мещерекховым Алина даже не успела этого заметить.

– Мещерекhov Олег Николаевич? – сухо осведомился тот, что был пониже ростом и с черными, как вороново крыло, волосами.

– Да, это я, – Мещерекhov подозрительно прищурился.

Прежде люди в штатском еще никогда в жизни не интересовались его скромной профессорской персоной. Чем же вызван сегодняшний визит этой парочки? Откуда ветер дует?

– Нам нужно с вами поговорить.

– Здесь? – Мещерекhov гостеприимно обвел рукой опустевшую аудиторию.

– Нет. – Беседу с профессором все так же вел низкорослый. – Если вы не против, нам бы хотелось, чтобы вы проехали с нами. Машина уже ждет внизу.

– Хорошо. Я не против...

Мещерекhov растерянно переглянулся с Алиной и, оставив ее в полном недоумении относительно произошедшего, отважно двинулся в сопровождении незнакомой ему парочки по коридору института.

* * *

– Я хотел бы вызвать такси.

Фери уже полностью был готов к выходу. Сегодня он рассчитывал на решающий день. Или, вернее будет сказано, на решающую ночь.

Сказать, что Фери заметно волновался перед тем, что ему предстояло сделать, значило бы не сказать о его состоянии ничего. У него был настоящий мандраж. Еще бы! Если его гипотеза подтвердится!.. У Фери даже закружилась голова, когда он представил, к каким последствиям в науке это может привести.

Сейчас на нем был простенький спортивный костюм и высокие шнурованные ботинки на специальной подошве. Все остальное снаряжение, которое, как он полагал, могло пригодиться ему сегодня, покоилось в рюкзаке Фери, пока еще мирно стоявшем у его ног. Ноутбук он сегодня предпочел не брать. Толку от него будет маловато, а таскать лишние тяжести не с руки.

– Пожалуйста, – ответила по телефону невидимая девушка, но судя по голосу явно молоденькая и миловидная. – Куда?

– Отель «Аркаим».

– На какое время?

– Сейчас.

– Куда поедете?

Фери набрал в грудь побольше воздуха. Волнение усиливалось с каждой секундой, приближающей его...

– Плато Голаны.

Некоторое время его незримая собеседница хранила молчание. Скорее всего, как диспетчер, она спешно координировала в эту минуту действия своих подопечных, но Фери искренне хотелось верить, что на нее такое сильное впечатление произвело место, которое он обозначил как пункт назначения.

– Хорошо. Машина будет уже через пять минут. Можете спускаться.

На этом связь прервалась. Фери поднялся со стула, подхватил с пола рюкзак и одним ловким движением забросил его на левое плечо. Обежал комнату взглядом, в последний раз проверяя, не забыл ли чего-то важного, и, убедившись в том, что полностью экипирован, направился к выходу из номера.

Девушка не обманула его. Служба такси сработала оперативно, и к тому моменту, когда Фери пересек пустынный холл отеля, где за стойкой скучал пожилой портье, и вышел на улицу, нужный ему автомобиль уже стоял у обочины.

Фери запрокинул голову, набирая в легкие побольше свежего вечернего воздуха. На небе собирались хмурые тучи, но Фери был уверен, что до грозы дело не дойдет.

Шагнув с крыльца отеля в направлении такси, француз совершенно не обратил внимания, как от темной стены здания отделилась тень и стремительно двинулась в его направлении. Фери потянул на себя ручку двери.

– Анри Фери?

Окликнувший его голос принадлежал женщине. Он обернулся. Скрытое капюшоном лицо разглядеть было практически невозможно. Все, что успел заметить Фери, так это выбившиеся темные пряди волос и остро торчащий, будто высеченный из мрамора подбородок. Глаза девушки, нос и все остальное тонуло во мраке ее странного облачения. Фигуру незнакомки также скрадывал нелепый, будто принадлежащий кому-то другому, длинный, до самой земли, плащ.

– Да, это я, – Фери предпринял попытку улыбнуться даме, но какое-то непонятное, неизвестно откуда вынырнувшее чувство опасности не позволило ему сделать это естественно. – Мы знакомы?

Девушка не ответила. Вместо этого она вскинула вверх одну из безвольно висевших до этого вдоль корпуса тела рук, и Фери с ужасом заметил, что в грудь ему направленно черное смертоносное дуло пистолета.

– Послушайте... Что вы?..

Она не дала ему договорить. Не дала возможности высказаться, выяснить причины столь непонятного для него поведения незнакомой ему дамы. Палец, лежавший на спусковом крючке, мягко и свободно отошел назад, приводя убийственный механизм в действие. Черное узкое дуло выбросило из жерла пламя, на мгновение ослепившее Фери, а уже в следующую секунду он почувствовал, как его грудь пронзила острая беспощадная боль, железной хваткой окутав сознание. Это было последнее, что видел и чувствовал в своей жизни Анри Фери. Инстинктивно схватившись двумя руками за рану, он завалился на спину.

Перепуганный таксист, не желая стать очередной жертвой странной женщины в длинном плаще и с наброшенным на лицо просторным капюшоном, вдавил в пол педаль акселератора и резво, со свистом сорвал автомобиль с места. Незакрытая пассажирская дверца хлопала на ходу, как крыло подстреленной птицы.

Под телом Фери стремительно растекалось кровавое пятно. Несмотря на то что француз лежал неподвижно и не проявлял ни единого признака жизни, девушка-убийца шагнула впе-

ред и прицелилась в голову мужчины. Второй выстрел был произведен в точку, точно расположенную между бровей Фери.

Где-то в отдалении завывала полицейская сирена, к ней тут же присоединилась вторая, затем третья, создавая в окрестности уже целую какофонию, но девушка не тронулась с места. Она не предпринимала ни единой попытки к бегству. Пистолет скрылся в складках ее плаща, затем она подняла вверх левую руку и отбросила с лица капюшон. На распростертого у ее ног Фери она даже не смотрела. Этот человек перестал для нее существовать. Черные выразительные глаза с большими пушистыми ресницами неотрывно смотрели куда-то вдаль, на некую абстрактную точку.

Звук полицейских сирен стал совсем близко, а вскоре из-за ближайшего поворота выскочила и первая машина с мигалкой на крыше. Девушка повернула лицо в их сторону.

Глава 2

Перетье неторопливо пересек гостиную, прошел в кухню и достал из холодильника графин с русской водкой, которую он предпочитал всем другим горячительным напиткам. Налил полный стакан и одним духом выпил. Ледяная жидкость обожгла ему гортань и горло. Перетье закашлялся, опустился на стул и торопливо запихнул в рот первую попавшуюся закуску, каковой оказался кусок копченого мяса. Жжение в горле прошло, а по всему телу мгновенно разлилась приятная теплота. В голове тут же заметно прояснилось.

Желая продолжить терапию после вчерашних излишних алкогольных возлияний, Перетье налил себе еще водки, но в самый последний момент передумал и поставил стакан на стол. С его чувствительностью к алкоголю и первой порции будет достаточно, чтобы порядком опьянеть, а от второй его так развезет, что он не сможет держаться на ногах. А этого делать явно не стоило.

Венсан Перетье, относительно молодой человек лет двадцати девяти, и сам осознавал тот факт, что в последнее время стремительно катился под откос в силу своего неизвестно откуда взявшегося пристрастия к алкоголю. Алкоголь становился неотъемлемой частью его жизни. Пока об этом не стало известно начальству, еще куда ни шло, но если скрытый порок Венсана выплывет на поверхность, с карьерой агента придется распрощаться раз и навсегда. Держать его в разведке, даже в качестве нелегала, никто не станет. Где же выход? Борьба с самим собой? Перетье не был уверен, что готов к этому...

Он достал из холодильника еще один кусок мяса и принялся ожесточенно жевать его. Его льдистые голубые глаза редко моргали, а губы, скрытые под аккуратно подстриженной бородкой, казалось, были постоянно сложены в легкую застывшую улыбку. Венсан Перетье слыл в управлении человеком без эмоций. И ни одна живая душа не догадывалась, каков же он в действительности.

В нагрудном кармане рубашки зазвонил мобильник. Венсан выплюнул остатки недожеванного мяса в мусорное ведро и достал телефон.

– Перетье, – коротко отрекомендовался он.

– Где ты, Венсан?

– Дома.

– Отлично. Ты мне нужен. Это срочно. Высылаю за тобой машину.

Глава одного из ведущих отделов французской разведки Морис Гляссе, в непосредственном подчинении которого находился Перетье, как всегда, был лаконичен и неприветлив. Никогда ничего другого Венсан от него и не ожидал. «Высылаю за тобой машину. Это срочно». Черт! Что ему понадобилось на этот раз? Меньше всего Перетье хотелось ввязываться сейчас в новую переделку. Он из последней-то чудом выбрался живым и до сих пор благодарил Форту за то, что она не отвернулась от него в трудную кульминационную минуту.

Он бросил мобильник в карман и неохотно покосился на свои наручные часы. По всем раскладам машина от Гляссе должна будет прибыть не раньше ближайших пятнадцати минут. Значит, у него будет время на то, чтобы помыться, побриться и привести себя в относительный порядок. Венсан сунул графин с водкой обратно в холодильник, а вместо него достал пакетик с мускатным орехом. По опыту он уже знал, что мускат – единственное, что способно перебить запах алкоголя.

К половине одиннадцатого он уже был в полной боевой форме, и ни один сторонний наблюдатель не смог бы определить по его внешнему виду, что перед ним постепенно опускающийся на самое дно алкоголик.

Перетье подошел к окну и слегка отдернул в сторону тяжелую штору. Служебный автомобиль Гляссе уже стоял возле тротуара на привычном для него месте. Перетье набросил легкую куртку и спустился вниз.

– Доброе утро, месье Перетье, – вежливо приветствовал его водитель, мужчина лет тридцати с хвостиком, яркой внешней чертой которого являлся огромный нос на круглом лице, мало чем уступающий по своим габаритам легендарному носу Сирано де Бержерака. Однако, невзирая на свою внешнюю комичность, мужчина был деловит, упакован в темный строгий костюм и того же цвета галстук.

Венсан был прекрасно знаком с ним. Карл уже на протяжении пяти последних лет являлся личным и неизменным водителем Гляссе, и Перетье подозревал, что ему всегда было известно об окружении шефа гораздо больше, чем он старался продемонстрировать.

– Салют! – Венсан развалился на переднем сиденье, и машина тут же тронулась с места. – Как жизнь, Карл? Что нового в мире?

– Все как обычно, месье Перетье, – равнодушно ответил тот. – Войны пока нет, и это не может не радовать. Остальное – дело наживное...

– Да уж. – Венсан лениво пошарил по карманам, извлек сигареты и закурил. – Ты прав, Карл. Все это – дело наживное. А что понадобилось от меня старику?

– Вот чего не знаю, того не знаю, – в присущей ему манере не говорить о делах шефа ответил водитель, ловко и уверенно лавируя в общем транспортном потоке. – Вы же знаете, месье Перетье, меня в подобные дела не посвящают. Мое дело маленькое. Привез – отвез. Как говорится, крути баранку и следи за дорогой. Кстати, хотите свежий анекдот? Только сегодня услышал по радио...

– Не стоит, Карл. – Перетье смежил веки. – У меня с юмором тяжеловато. Слушай, – спросил он через секунду, не открывая глаз. – А ты когда-нибудь выходишь из образа?

– Простите...

– Наверное, это жутко – все время играть одну и ту же чужую роль.

– Боюсь, что я не совсем понимаю вас, месье Перетье...

Похоже, что столь неожиданным поворотом в беседе Венсану впервые удалось немного выбить привычную почву из-под ног Карла. Он почувствовал это по слегка изменившемуся и сконфуженному тембру голоса.

– Ладно. Забудь об этом.

К тому моменту, когда Перетье, заложив руки в карманы распахнутой куртки, перешагнул порог кабинета Гляссе, его настроение было еще более подавленным, чем час назад в момент пробуждения. Выпитая доза алкоголя выветрилась, оставив за собой только назойливую тупую боль в области затылка, и единственным желанием Перетье было сейчас оказаться рядом со своим холодильником. Но никак не в апартаментах шефа.

– Проходи, Венсан. – Гляссе не поднялся из-за стола, а только взмахнул рукой, что, видимо, в его понимании, должно было выглядеть как дружеское приветствие. – Хорошо, что нам не пришлось тебя дожидаться.

Венсан хмуро окинул взглядом просторное светлое помещение. Помимо самого Мориса Гляссе, в его кабинете присутствовал еще один человек, лицо которого показалось Перетье отдаленно знакомым. Но вот касаясь того, где и когда он мог его видеть, память пока не выдавала ни единой нужной подсказки.

Крупный высокий мужчина среднего возраста с роскошной зачесанной назад шевелюрой, смазанной едва заметной сединой на висках, и широкоскулым массивным лицом занимал в кабинете Гляссе весьма скромное место возле окна на низеньком диванчике и беспокойно массировал кончики собственных пальцев. Явный признак нервозности и внутренней нестабильности, а такие вещи опытный взгляд Перетье подмечал в первую очередь.

– Познакомься, Венсан, – не глядя ни на кого конкретно, Гляссе нагнулся к ящику стола и неторопливо извлек из него какую-то папку. Мягко положил ее перед собой на гладкую полированную поверхность. – Это директор парижского научно-исследовательского института Жюльен Деламар. Месье Деламар, это тот человек, о котором я вам говорил. Венсан Перетье.

Деламар порывисто поднялся с дивана и сделал шаг навстречу идущему по направлению к столу Перетье, рассчитывая на приветственное рукопожатие, которое, по сути, и должно было последовать после того, как хозяин кабинета по всей форме представил мужчин друг другу. Однако Перетье проигнорировал все необходимые правила этики. Он лишь небрежно кивнул Деламару, моментально вспомнив, что ему доводилось прежде видеть выступления этого человека по телевизору, и буквально плюхнулся на стул прямо напротив шефа. Забросил ногу на ногу и вставил в рот неприкуренную сигарету.

– А ты не очень-то вежлив, Венсан. – Гляссе поднял на него глаза, в которых отразилось явное недовольство подчиненным.

Перетье перебросил сигарету из одного уголка рта в другой. Слегка прикусил фильтр зубами.

– Я не оканчивал институтов благородных манер. Можно вопрос?

– Задавай.

– Зачем я здесь, Морис? Я только два дня назад вернулся из Невады. Не мне тебе рассказывать о том, что там произошло... – Перетье слегка покосился в сторону чуждого ему человека в лице Жюльена Деламара, который сконфуженно успел вернуться на свое прежнее место и вновь сосредоточил внимание на кончиках собственных пальцев. – И я справедливо рассчитывал на то, что после этого мне предоставят пусть даже небольшой, краткосрочный, но отпуск...

Гляссе нетерпеливо взмахнул рукой.

– Мы все трудимся не покладая рук, Венсан, – просто заявил он. – К тому же, я уверен, новая поездка по сравнению с предыдущей покажется тебе легкой прогулкой. Не более.

– Новая поездка?

Вместо ответа Гляссе снял свои тяжелые руки с узловатыми некрасивыми пальцами с недавно извлеченной из ящика папки и толкнул ее в направлении Перетье. Последняя едва не соскочила с края стола, но Перетье вовремя подхватил ее.

– Прочти, – коротко распорядился Гляссе.

Перетье неохотно раскрыл папку. Боль в затылке уже не казалась ему такой назойливой и всепоглощающей, но общее состояние организма оставляло желать лучшего. Мозг Венсана неотступно сверлила одна и та же мысль. Он жаждал выпить. Перевернув несколько первых страниц с фотографиями, суть которых ему ни о чем не говорила, Перетье попытался сосредоточить внимание на тексте. Однако уже с первых слов его интерес к содержимому папки и вовсе упал на отметку «ноль». Он перелистнул еще пару страниц, поморщился. И без того холодные глаза Венсана превратились в две маленькие льдинки. Он захлопнул папку и положил ее обратно на стол.

– Я не интересуюсь религией. Не интересуюсь библейскими писаниями. И разного рода загадками, связанными со всей этой чепухой. – Сменив позу, Перетье щелкнул зажигалкой и подпалил кончик торчащей в зубах сигареты. – Стало быть, вопрос остается прежним. Зачем я здесь?

Гляссе нахмурился. Поведение агента с каждой минутой нравилось ему все меньше. Перетье и прежде, бывало, вел себя подобным образом, но на этот раз, по мнению шефа, он уже перешел все мыслимые и немыслимые границы не только приличий, но и элементарной субординации.

– Из-за этой чепухи, как ты выразился, – в голосе Гляссе появился металл, – мы потеряли трех видных ученых. Двое бесследно исчезли, третий, Анри Фери, был убит позавчера в Иерусалиме. Ему выстрелили в грудь и в голову...

– Что говорит полиция?

Перетье глубоко затянулся и тайком покосился на стеклянный шкафчик за спиной шефа. Он знал, что бутылочка коньяка у Гляссе там всегда найдется. Но для него лично это обстоятельство сейчас ничего не меняло.

– По поводу двух пропавших ученых – ничего, – Гляссе самоотверженно демонстрировал остатки своего терпения. – Их до сих пор не обнаружили, и на этот счет у них нет даже ни одной стройной версии. Что касается Анри Фери, то тут убийца был взят с поличным. Прямо на месте преступления.

– Bravo! – Перетье придвинул к себе пепельницу и положил на нее тлеющую сигарету. – Честь и хвала израильским полицейским.

– Может, ты прекратишь ерничать и выслушаешь меня до конца, Венсан, – Гляссе повысил голос.

Перетье развел руками.

– Так вот. Убийца – женщина. А вернее, если быть точным, девушка. Арабка по национальности. Есть подозрения, что она принадлежит к одной из фанатично-религиозных группировок мусульманских экстремистов. Во всяком случае, у полиции девушку тут же отобрали. Догадываешься кто?

– «Моссад»? – Перетье подозрительно прищурился.

– Верно.

– Постой-ка, Морис. Какое отношение к арабским экстремистам мог иметь наш ученый. Как его там?.. Фери. В чем тут связь?

– Наконец-то, – хмыкнул Гляссе. – Наконец-то ты начинаешь проявлять интерес, и до тебя, черт возьми, доходит, что вся эта история не так уж и проста, как может показаться на первый взгляд. В последний раз, незадолго до своей гибели, Анри Фери связывался по телефону со своим непосредственным начальником, месье Деламаром, – Гляссе указал рукой в сторону сидящего на диване мужчины. – И сообщил, что наткнулся в своих исследованиях на нечто важное. По его словам, это могло бы стать одним из самых великих открытий последнего времени. Но ничего больше Фери не сообщил. Сказал, что это не телефонный разговор. А значит, он уже чего-то опасался. Понимаешь, Венсан? Затем его убили... Вчера нам удалось доставить в Париж личные вещи Фери, среди которых был и его ноутбук. Но и в нем не было никакого конкретного намека. Судя по всему, Фери стер с базы данных все упоминания о своем возможном открытии. Наши агенты сейчас прочесывают арабские гетто здесь во Франции, в надежде отыскать хоть какую-то зацепку, хоть какую-то возможную связь Фери с экстремистами, но... Информаторы только разводят руками. И я хочу... – Гляссе выдержал паузу. Такие длинные тирады обычно были не в его духе. – Я хочу, чтобы ты лично вылетел в Иерусалим и попытался на месте разобраться с этим делом. С арабскими экстремистами, с ролью «Моссада» в данной истории. И главное... Главное, нам нужно знать, что там разнюхал покойный Фери.

Перетье вновь поднял сигарету с пепельницы и вложил ее в губы. Несколько раз затянулся, выпуская дым через ноздри. Рука Венсана автоматически потянулась ко все той же заветной папке. Он раскрыл ее на середине.

– Круг Рефаимов... Древние библейские сказания... Возможно, нет ничего удивительного в том, что этот Фери попал в поле зрения религиозных фанатиков...

Деламар сухо откашлялся, привлекая внимание к своей персоне. Венсан неохотно повернул голову в его сторону. Директор НИИ уже оставил в покое свои пальцы и теперь сидел на самом краешке дивана, водрузив руки на колени, как примерный школьник.

– Позвольте мне немного прояснить ситуацию, месье Перетье, – сказал он. – То, о чем я уже успел доложить месье Гляссе, пока вас не было. Мне кажется, что это важно.

– Попробуйте, – милостиво вступил в дискуссию с ученым Венсан. Он ткнул сигарету в пепельницу, смял ее и уже всем корпусом развернулся к Деламару.

– Дело в том, – несмотря на сконфуженное состояние директора научно-исследовательского института, голос его был резким и звонким, – что речь тут идет не совсем о религии, месье Перетье. Вернее, и о ней тоже, но мы... Я имею в виду наш институт... Придерживаемся совершенно иной версии относительно этого таинственного во всех отношениях Круга Рефаимов, нежели ученые других стран. Еще три года назад один из наших видных ученых Лемар Гросса, работая по этому вопросу в теории, выдвинул версию о том, что Круг Рефаимов, или, как его называют сами евреи, Гилгал Рефаим, служил древним цивилизациям как пункт наблюдения...

– Наблюдения за чем? – не удержался от вопроса Перетье.

– За Сириусом. Дело в том, что Гилгал Рефаим был построен таким образом, и вы это можете видеть на фотографиях, сделанных с разных ракурсов, – Деламар кивнул на папку, все еще находящуюся в руках Венсана, – таким образом, что в нем имеется два расположенных друг против друга входных отверстия. И через одно из этих отверстий прекрасно просматривается планета Сириус. Вы разбираетесь в астрономии, месье Перетье?

– Я пытаюсь разобраться в ней на основе ваших слов, – съязвил тот и тут же добавил: – Вы хотите сказать, что этот чертов Круг изначально был задуман как обсерватория?

– Опять же, не совсем, – замылся Деламар. – Я же с самого начала сказал вам. Как наблюдательный пункт.

– В чем разница? – Перетье не скрывал своего явного раздражения.

– Лемар Гросса выдвинул предположение, что древние цивилизации, населявшие землю на момент построения Гилгал Рефаима, ждали вторжения из космоса. И угроза этого вторжения исходила от Сириуса.

Перетье не мог поверить своим ушам. Поначалу ему даже показалось, что он ослышался или у него уже начали развиваться слуховые галлюцинации. Но затем, глядя на лицо ученого, он понял, что тот говорит вполне серьезно и происходит все это в реальном времени.

– Вторжение инопланетян? – Венсан перевел взгляд на Гляссе, затем обратно на Деламара. – Маленькие зеленые человечки, выскакивающие из своей летающей тарелки и сжигающие Землю из лазеров? Вы об этом мне сейчас толкуете? Я правильно понял?

– Ну... – Деламар даже отпрянул, вжавшись лопатками в спинку дивана. – Зачем же воспринимать это так буквально, месье Перетье? Я лишь хотел сказать, что профессор...

Перетье не стал его слушать. Он резко повернулся на стуле лицом к Гляссе.

– Мне обязательно слушать эти безумные бредни?

Гляссе ничего не ответил. Зато вместо него откликнулся Деламар, видимо почувствовав себя немного увереннее и войдя в раж, ступив на привычную для него почву.

– Это не бредни, месье Перетье... И я лишь хочу, чтобы вы в полной мере владели сложившейся ситуацией...

– Я уже ей владею. – Венсан закрыл папку. – А сумасшедшие гипотезы, исходящие от вас или вашего прославленного профессора, меня совершенно не интересуют.

– Венсан! – осадил его Гляссе.

Перетье поднялся со стула. В зубах у него уже торчала новая неприкуренная сигарета. Папку, полученную от шефа, он небрежно сунул под мышку.

– Я разберусь с этим делом, Морис. А что касается вас, месье Деламар, – Перетье уже двинулся к двери, но на ходу обернулся через плечо, – то лично я советую вам поменьше употреблять галлюциногенов. Или на чем вы там сидите...

* * *

Монотонное постукивание карандаша, находящегося в руках сидящего напротив человека, о поверхность стола, начинало нервировать Мещерекова. Хотя вполне вероятно, что именно этого от него и добивались. Вывести из привычного состояния равновесия.

Крупный широкоплечий мужчина с густой рыжей шевелюрой и такими же пышными, но аккуратно подстриженными на кончиках усами, представившийся как Роман Леонидович Чепуров, начальник специального отдела Службы внешней разведки, вот уже десять минут хранил напряженное молчание. Собственно говоря, именно столько времени и прошло с того момента, как Мещереков переступил порог небольшого, по-спартански обставленного кабинета, до дверей которого его доставила парочка в штатском. Чепуров только поприветствовал профессора, представился и предложил сесть. И дальше гробовая тишина. Роман Леонидович лишь внимательно изучал визитера из под сдвинутых к переносице, местами поредевших бровей и постукивал по столу остро отточенным кончиком карандаша.

По пути сюда, в Управление СВР, с Мещерековым тоже никто не разговаривал, и профессор до сих пор ломал голову над вопросом, что же могло понадобиться такой мощной и грозной организации от его скромной персоны. Ни одного более или менее здравого объяснения на ум не приходило, а пускаться в расспросы самостоятельно Олег Николаевич не решился.

Чепуров оставил, наконец, карандаш в покое, аккуратно положил его слева от себя и, скрестив большие мускулистые руки на груди, откинулся на высокую спинку кресла.

– Итак, Олег Николаевич, – изрек он, и Мещерекову показалось, что раскатистый бас хозяина кабинета сразу заполнил собой все пространство, а эхо от него беспомощно заметалось между стен. – Говорят, вы большой специалист в области загадок. Это так?

Мещереков почувствовал себя еще более неуютно и против собственной воли нервно заерзал на жестком стуле.

– Загадок? – переспросил он. – Что вы подразумеваете под словом «загадки»?

– Изучение различных таинственных мест земли. – Выражение лица Чепурова осталось без изменений. – Вы ведь занимаетесь именно этой темой, Олег Николаевич? Или в мои сведения закралась какая-то ошибка?

– Нет... Все верно... Я...

Чепуров выглядел усталым, и со стороны могло показаться, что затронутая им самим тема разговора была не только ему не интересна, но и скучна. Он пригладил пальцами левой руки свои рыжие тараканьи усы и глубоко вздохнул.

– Хорошо. В силу специфики своей работы, Олег Николаевич, я полагаю, вы слышали о таком месте на Голанских высотах, как Круг Рефаимов?

Мещереков был поражен. Разумеется, он сам прекрасно владел всей информацией относительно этого загадочного места планеты и не раз детально изучал ее с различных ракурсов, выдвигая собственные, порой абсурдные гипотезы. Но почему этим интересуется СВР? Откуда такая тяга к, возможно, самому древнему месту на земле? Прежде внешняя разведка не касалась подобных вопросов, считая эту область науки самой бесперспективной. Или это личный интерес Чепурова? Тогда тем более странно.

– Вы имеете в виду легендарный Гилгал Рефаим? – Профессор невольно оглянулся на закрытую дверь у себя за спиной и тут же вернул взор на собеседника. – Конечно, я...

– Расскажите мне о нем, – попросил Чепуров. Его руки снова сошлись на груди.

Мещереков до сих пор не мог поверить, что все это происходит в реальном времени. Мотивы Чепурова оставались для него непонятными.

– Вы хотите, чтобы я рассказал вам о Гилгал Рефаиме?

Роман Леонидович кивнул.

– Будьте так любезны, профессор.

– Хорошо... – Мещереков облизал пересохшие от волнения губы, усилием воли взял себя в руки и представил, что он находится на обычной своей лекции в институте, а не в кабинете начальника отдела СВР. – Круг Рефаимов представляет собой пять концентрических каменных колец, общим диаметром более пяти сотен футов. Вполне вероятно, что они были построены в свое время для астрономических целей, но... Уникальность этого строения скорее в том, кто может оказаться в итоге строителями...

– А кто ими может оказаться? – с нескрываемой ленцой в голосе подбросил встречный вопрос Чепуров.

– Ну... Понимаете, Роман Леонидович... Как бы это сказать...

– Говорите, как есть, профессор. Я постараюсь принять любую вашу версию.

Мещереков впервые позволил себе улыбнуться.

– Я бы не стал утверждать, что это моя версия, – сказал он. – Существует легенда, которая, кстати, весьма красочно описывается и в Библии, что Гилгал Рефаим был построен некогда населявшей нашу планету расой великанов. Об этом свидетельствуют и необычайно крупные и тяжелые камни, которые простому человеку...

Чепуров снова прервал собеседника коротким, но весьма многозначительным жестом руки. Мещереков тут же замолчал, ожидая вопроса. Он нервно пригладил рукой бородку. Чепуров смотрел на него пристально, не мигая. Наконец хозяин кабинета все так же лениво сменил позу и взял со стола пачку сигарет. Протянул ее в раскрытом виде профессору.

– Нет, спасибо, – Мещереков покачал головой. – Я не курю.

– Это правильно. – В противовес собственным словам Роман Леонидович пристроил сигарету во рту и щелкнул скрытой в массивном кулаке зажигалкой. К потолку неторопливо потянулась тоненькая сизая струйка дыма. – Здоровье не купишь ни за какие деньги. Его надо беречь. Но я, наверное, уже не в силах бороться со старыми привычками... Скажите, Олег Николаевич, вы сами верующий?

Вопрос прозвучал как выстрел. От неожиданности Мещереков даже подался назад. Чепуров спокойно втянул в себя едкий табачный дым. Взгляд серых, глубоко посаженных глаз, казалось, готов был просверлить Олега насквозь. Он будто находился под рентгеновскими лучами.

– Честно говоря, для меня это сложный вопрос... И я бы не смог ответить на него однозначно. – Мещереков не пытался юлить. Он действительно говорил то, что думал и чувствовал. – Как в некую абстрактную высшую силу, которая находится где-то там, над нами, – он неопределенно качнул головой, но Чепуров совершенно никак не отреагировал на этот жест, – я, конечно, не верю. Как ученый, я полагаю, что все должно иметь свое логическое объяснение. Без мистицизма и... тому подобного... Однако, опять же в силу специфики своей профессии, я не могу не отрицать того факта, что в природе до сих пор находится много таинственного и необъяснимого... Но тут, скорее, обожествлять следует саму природу. – Мещереков еще раз робко улыбнулся.

– Ладно. Я понял. – Чепуров слегка наклонился к пепельнице и опустил в нее сигарету. Только в этот момент взгляд его ненадолго оторвался от лица сидящего напротив профессора. – Вернемся к нашим баранам, Олег Николаевич. То есть непосредственно к Кругу Рефаимов. Насчет легенды мне все понятно. Но вы! Вы лично придерживаетесь какой-либо версии?

В очередной раз Мещереков принялся нервно тереть свою острую бородку клинышком. Никогда еще беседа на интересную для него тему не давалась ему так тяжело и напряженно.

– Мне трудно быть объективным, Роман Леонидович. Все мои знания в этой области носят исключительно теоретический характер. Мне ни разу в жизни не довелось побывать на Гилгал Рефаиме... Но, изучая труды коллег, я, наверное, больше склоняюсь к версии, высказанной в девяносто третьем году Брюсом Куртисом. Для раскрытия тайны Круга Рефаимов

Куртис апеллировал к апокрифическому труду «Книги Знаний: Ключи Еноха». И он, я имею в виду все того же Куртиса, сделал вывод, что эти каменные обломки древности, как и говорил Енох, заключают в себе некие зашифрованные послания об отдельных событиях на Земле и в космосе, которые люди должны сами расшифровать. За точность цитаты я, конечно, сами понимаете, не ручаюсь. Но суть...

– Та-ак, – протянул Чепуров, и уголки его губ под рожками усами слегка изогнулись книзу. – Зашифрованные послания, значит. Это уже интересно...

– Так утверждает Куртис, – поспешно вклинился Мещериков. – И Енох, конечно.

– Да черт с ним, с Енохом вашим, Олег Николаевич! – Чепуров поднял сигарету из пепельницы, хотел было затянуться, но передумал и поспешно потушил ее. Впервые на его лице проступили проблески эмоций. – И с Куртисом тоже. Давайте с вами поговорим откровенно. Не сомневаюсь, что вам известно, что какие-либо исследования на Голанских высотах, где расположен этот злополучный Круг, были запрещены до шестидесяти седьмого года. Туда не допускалась ни одна научная экспедиция.

– Да, я знаю, – сказал Мещериков. – Это было связано с тем, что...

– Неважно, – отмахнулся Чепуров. – Это уже дело прошлое, и меня оно мало волнует. Но я скажу вам больше. Исследования не приветствуются и сейчас. Нет, открыто их никто не пресекает, конечно, но «Моссад» бдительно наблюдает за своими территориями. Как вы считаете, с чем это может быть связано?

– Не знаю, – честно признался Мещериков. – Я далек от политики и совершенно не силен в ней...

– Но вы допускаете мысль, что тайна этих колец может быть как-то связана с политикой? Такое возможно? В принципе? – продолжал напирать Чепуров.

– Не знаю, – профессор несколько раз нервно моргнул. – Никаких таких упоминаний нигде...

– Хорошо. – Чепуров поднялся из-за стола, обошел его и остановился в непосредственной близости от Мещерикова, глядя на него теперь снизу вверх. Олег хотел было тоже встать, но хозяин кабинета мягко, но властно опустил руку на его сухощавое плечо. Мещериков вынужден был остаться в прежней позе. – Не так давно, Олег Николаевич, активными исследованиями на Голанских высотах занялись французы. Парижская коллегия ученых направила туда трех своих ведущих представителей, но... Все у них, скажем так, идет не совсем гладко. И у меня есть подозрения, что политика здесь играет не последнюю роль. Со стороны израильских властей, конечно. – Чепуров помолчал. – У меня к вам предложение, Олег Николаевич. Я бы сказал, обоюдовыгодное. То есть я склонен предположить, что вас оно также заинтересует.

– Какое предложение? – профессору приходилось выворачивать шею, чтобы видеть лицо нависшего над ним, как скала, Романа Леонидовича.

– Вы сами сказали, что все ваши познания основаны на теории. Так?

– Да, так.

– И что вы никогда лично не имели чести лицезреть этот чертов загадочный Круг Рефаимов. Я понимаю, что финансирование вашего института, где вы честно трудитесь на благо отечественной науки, оставляет желать лучшего, а потому мы готовы выделить средства на ваши исследования. Говоря проще, Олег Николаевич, я хочу, чтобы вы отправились в Иерусалим и разобрались с этой загадкой на практике. А все необходимые расходы наше ведомство возьмет на себя. Что скажете?

Мещериков был окончательно ошарашен. Такого поворота в разговоре он ожидал меньше всего. СВР, и в частности этот человек, который сейчас представлял ее, готова была оплатить его поездку к одному из чудес света! А Мещериков склонен был относить Гилгал Рефаим именно к таким. Мог ли он мечтать о подобном?.. Если только...

– Пойдите, – профессор почувствовал, как бешено заколотилось в груди его сердце. – Вы что же?.. Вы меня вербуете?

Совершенно неожиданно для него Чепуров рассмеялся. Конечно, Мещериков не смог бы поручиться за то, что этот смех был естественным. Скорее, наоборот. Звуки, издаваемые Романом Леонидовичем, больше походили на сухое покашливание астматика. Но тем не менее он смеялся.

– Ну зачем же так сразу, Олег Николаевич? – Все еще сухо посмеиваясь, Чепуров вернулся на привычное для него место за столом. – «Вербуете»! И где вы таких слов только понабрались? К вашему сведению, времена КГБ давно уже канули в Лету... Подумайте сами, вам предоставляется уникальнейший шанс. Ну а что касается нашей заинтересованности в этом деле... То нас лишь интересует профессиональное мнение специалиста относительно того, что же в действительности представляет собой Круг Рефаимов. Вы проведете исследования, после чего мы снова встретимся с вами и пообщаемся. Не более того. – В руках Чепурова вновь оказался карандаш. – Впрочем, нет. Есть еще одно маленькое дополнение, Олег Николаевич. За вами будет наблюдать наш человек. Но исключительно в целях вашей же безопасности...

– Безопасности?

– Ну знаете же старую как мир поговорку: лучше перебдеть, чем недобдеть, – Чепуров улыбнулся. – Поверьте, наш человек ни в коей мере не будет мешать вашей научной работе. Никакого хождения по пятам, контроля и так далее. Только визуальное наблюдение. Я счел необходимым предупредить вас об этом для того, чтобы у вас не возникало больше подозрений в моей неискренности или какой-либо закулисной игре.

– А я буду знать этого человека? – робко поинтересовался Мещериков.

– Не вижу в этом необходимости. – Кончик карандаша в привычной манере принялся отстукивать прежнюю дробь на поверхности стола. – Если, конечно, не произойдет ничего экстраординарного. Но, думаю, такого поворота событий не хотите не вы, не мы.

На это Мещериков не нашел что сказать. Да, признаться честно, ему сейчас и не хотелось никаких негативных факторов. Мысленно он уже предвкушал предстоящую работу. Мысленно он уже был там, на Голанских высотах.

* * *

– Ну как она?

– По-моему, неплохо. Гринберг докладывал...

– Я читал доклад Гринберга. – Вентайл остановился возле бара спиной к сидящему в кресле Мееру и распахнул обе стеклянные створки. – Меня интересует твое мнение?

Откровенно говоря, Мееру импонировало, когда шеф обратился к нему с подобным вопросом. Конечно, он, не первый год проработав в связке с Гордоном Вентайлом, прекрасно знал, что тот лишь пытался строить из себя демократа, в то время как на самом деле таковым отнюдь не являлся. Мнение соратника Вентайл спрашивал, как правило, для проформы, и в итоге оно никогда ничего не меняло. Вентайл всегда поступал по собственному усмотрению. Так, как считал правильным. Но, с другой стороны, Меер имел возможность открыто высказываться по любому вопросу. И не считал такой подход шефа комичным.

– Я думаю, что мы перегнули палку, Гордон. Может, не сильно, но перегнули. – Перед глазами Меера все еще отчетливо стояли безумные стеклянные глаза арабской девушки. Отсутствие жизни в них выглядело пугающим. – Ты уже просматривал агентурные данные из Франции? Они начали нешуточный прессинг в отношении арабов. Гетто стоят на ушах. И, подозреваю, это только начало. К тому же...

– Я не узнаю тебя, Рифе! – Вентайл неторопливо обернулся. В одной руке он держал бутылку красного вина, в другой два высоких бокала на тонкой змеевидной ножке. Со всем

этим комплектом он продефилировал обратно к низкому стеклянному столику на колесиках, с самого начала беседы разделявшему его и соратника. – С каких это пор ты стал сочувствовать арабам?

– Дело не в арабах, Гордон. И ты это прекрасно знаешь. Меня беспокоит агрессивная позиция французов. Гонения на арабские гетто – это их личное дело, но этот ученый... Как его?..

– Анри Фери, – подсказал Вентайл.

– Да, этот Фери... Он был убит здесь, на нашей территории, и я не удивлюсь, если в ближайшее время в Иерусалиме появится кто-то от лица французской контрразведки. Если уже не появился.

– Полностью с тобой согласен. – Вентайл сначала поставил на столик бокалы, затем опустил рядом пузатую бутылку вина, после чего уселся в кресло сам. На губах Гордона играла самодовольная улыбка. – Если французы не сделают этого, то будут полными глупцами. А лично у меня нет никаких оснований даже теоретически занижать их умственный коэффициент. Но к нам у них нет и не может быть никаких претензий, Рифе. Меня сейчас заботит более серьезный противник.

Меер весь подобрался. От былой расслабленной позы не осталось и следа. Лицо выражало крайнюю степень напряжения.

– Что еще за противник?

– Русские.

– Русские? А при чем тут русские? С какого боку?

Вентайл ответил не сразу. Для начала он с легким хлопком откупорил бутылку и осторожно, будто занимался сложными химическими манипуляциями, разлил вино по бокалам. Придвинул один Мееру, второй взял сам, с удовольствием наблюдая за преломлением искусственного света на хрустальных гранях.

– Буквально час назад я получил оперативную информацию. Из проверенных источников, конечно, – произнес он с расстановкой. – Россия направила на изучение Гилгал Рефаима своего компетентного человека. Ученого. Исследователя в области таинственных явлений природы. Некого Олега Мещерекова. Однако у меня есть смутные подозрения, что его визит к нам не обошелся без негласной санкции российской СВР.

– Это только догадки... .

– Пока да, – не стал спорить Вентайл. Он сделал маленький глоток вина и поставил бокал на столик. – Я уже отдал необходимые распоряжения, чтобы наши люди проработали все возможные контакты Мещерекова. Друзья, родственники, случайные связи...

– Он летит один? – Меер не торопился пить. Тема предложенной беседы явно заинтриговала его.

– Один. Но если моя догадка относительно СВР окажется верной, то рассчитывать на грубую работу тут не придется. Русские умеют играть в подобного рода игры. И я хочу, чтобы ты взял эту ситуацию под свой личный контроль, Рифе. – Вентайл извлек из нагрудного кармана рубашки носовой платок и аккуратно промокнул им уголки губ. – Думаю, пары агентов тебе будет достаточно. Если потребуется больше – не стесняйся. Главное – не спускать глаз с этого русского ученого. Пусть он постоянно находится под наблюдением.

Меер закусил нижнюю губу и подозрительно прищурился, глядя на шефа. Бокал с перебивающейся на свету рубиновой жидкостью он все еще держал за ножку, слегка отклонив руку в сторону.

– Надеюсь, ты не планируешь его ликвидации, Гордон?

Вентайл вновь призадумался. Казалось, он взвешивает в уме все «за» и «против». При этом он даже стал методично поглаживать свою бороду и пышные усы. Глаза поблескивали приблизительно с тем же интервалом.

– Я не стану исключать такого варианта, Рифе, – сказал он наконец. – Но сейчас говорить об этом еще рано. Будем смотреть по обстоятельствам. Ты же знаешь, это мое основное правило. Я никогда не рублю сгоряча.

Меер подумал о том, что данное изречение в устах Вентайла звучало не совсем правдиво, но высказываться на этот счет не стал. В кармане мелодично запиликал мобильник, и это обстоятельство в некоторой степени спасло Меера от продолжения дискуссии. Он достал телефон, откинул серебристую крышку и нажал кнопку связи. Бокал с вином ему пришлось поставить на столик, так и не пригубив его.

– Меер, – коротко представился он, а уже секундой спустя его гипертрофированные дуги сосредоточенно сошлись в области переносицы. – Да... И кто он? Выясните это. И как можно скорее. Я буду ждать...

– Что там? – склонив голову набок поинтересовался Вентайл, когда мобильный аппарат коллеги вернулся обратно в карман.

– Как я и предполагал, – Меер развел руками. – Французская разведка направила к нам своего человека.

– Есть информация о том, кто он такой?

– Пока нет. Выясняем.

– Ладно. – Вентайл поднял бокал с вином и устало откинулся на спинку кресла. – Расслабься, Рифе. Выпей вина. Как говорят все те же русские, не будем ставить телегу впереди лошади.

– Мне не нравится эта поговорка, – поморщился Меер.

– А мне не нравятся русские. – Вентайл улыбнулся одними уголками губ.

Глава 3

Шасси самолета плавно коснулось взлетной полосы, и идеально ровная дорога, подсвеченная по краям сигнальными огнями, стремительно побежала в обратном направлении за окнами иллюминаторов. Уже только за одним этим зрелищем Мещереков наблюдал с замиранием сердца. Он до сих пор не мог до конца осознать и поверить в то, что он впервые в жизни оказался на Священной земле. И тем не менее факт оставался фактом. Его давняя мечта осуществилась.

В Москве Олега никто не провожал. Он отчаянно старался вычислить в толпе человека, который, по словам Чепурова, должен был приглядывать за ним, но никто конкретно не вызвал у него подозрений. Если наблюдение и велось, то очень профессионально. В конце концов, Мещереков оставил это бесперспективное занятие, переключив свои мысли на более приятную волну – на предстоящую работу. Ему предстояло воочию увидеть легендарный Круг Рефаимов, или, как его еще пафосно именовали, второй Стоунхендж. Мещереков был почти уверен в том, что его опыта и знаний окажется достаточно для того, чтобы разгадать загадку, мучившую многие светлые головы на протяжении нескольких веков. Ему обязательно повезет!

Самолет замедлил ход, а вскоре и вовсе замер. Мещереков перевел взгляд за иллюминатор. Здание аэропорта располагалось с противоположной стороны, и все, что пока имел возможность лицезреть Мещереков, так это панцирное ограждение. Он отстегнул ремни безопасности и, испытывая нешуточное душевное волнение, поднялся из кресла. Багаж профессора был довольно скудным. Один плоский «дипломат» и одна спортивная сумка, содержащая минимум одежды и предметы первой необходимости. Большого Олегу и не требовалось. Он поспешно надел пиджак, забросил сумку через плечо, свободной рукой подхватил «дипломат» и одним из первых пассажиров направился к выходу из салона.

Иерусалим встретил Мещерекова легким вечерним ветерком, которого, впрочем, оказалось достаточно, чтобы взъерошить волосы на голове профессора. Олег пригладил их вспотевшей от волнения ладонью.

Аэропорт «Атарот» произвел на Мещерекова благотворное впечатление. Хотя сейчас он, наверное, готов был восторгаться любой мелочью. Пересекая просторные, ярко освещенные залы со стеклянными стенами, Олег вновь вспомнил о человеке, который должен был выполнять задание Чепурова по его негласной охране. На мгновение остановившись, Мещереков цепко огляделся. Но вновь никто из снующих по зданию аэропорта в различных направлениях не привлек его повышенного внимания.

Проблем с такси у Олега не возникло. Сразу несколько машин стояло в ряд на подъездной дорожке перед выходом. Мещереков смело шагнул по направлению к первой из них.

– Отель «Шалац», – обратился он по-русски к сидящему за рулем молодому человеку.

Именно в этом отеле рекомендовал ему остановиться Чепуров. Да что там рекомендовал! Он изначально позаботился о том, чтобы в «Шалаце» для Мещерекова был забронирован одноместный номер. СВР не собиралась упускать своего подопечного из виду. Мещереков и не возражал.

– Земеля! – радостно провозгласил таксист, демонстрируя в широкой улыбке большие белые зубы. – Из России? Да?

– Да, – не стал отрицать очевидного Мещереков и, также открыто улыбаясь, забрался на переднее сиденье автомобиля.

– Черт! Теперь уже не каждый день встретишь своего брата русского на нашей общей исторической родине, – продолжал сыпать эмоциями паренек, противореча в высказываниях самому себе. – То ли дело раньше. Бывало, по пять-шесть человек наших прибывало за сутки. Но это в лучшие времена. Все меняется, земля! Ты сам-то откуда будешь?

– Из Москвы, – Мещереков был сдержан.

– А-а, – казалось, молодой человек был заметно разочарован.

Олег не стал выяснять причин этой резкой смены настроения и того, откуда сам паренек когда-то прибыл в Иерусалим. Он был слишком занят собственными размышлениями.

– Отель «Шалац», – только и повторил он.

– Да понял я, понял. – Паренек повернул ключ в замке зажигания, включил первую скорость и тронул автомобиль с места. – Ща домчим. С ветерком! По-русски!

Земелей он Мещерекова уже не называл, и это почему-то в некоторой степени порадовало последнего.

– Это далеко? – поинтересовался он.

– Да нет. Тут рядом. Минут десять езды. А может, и того меньше. По вечернему-то городу.

Мещереков с интересом перевел взгляд за окно. Погруженный в вечерние сумерки Иерусалим был не таким пестрым и мигающим в плане неоновых огней, как Москва, но посмотреть на что тут явно было. Тем более для человека, оказавшегося за границей впервые. Мещереков невольно отметил, что он даже дышать стал глубже и чаще, будто рассчитывал вобрать в себя невидимую ауру Священной земли, о которой он прочел бесконечное множество различной литературы, о которой не раз упоминал на своих лекциях в институте.

– Отдохнуть к нам? – уже деловито и по-хозяйски осведомился парнишка. – Или по делам? А может, насовсем? Пустить, так сказать, древние корни...

– По делам.

Уже завтра утром он сможет увидеть Гилгал Рефаим. Мещерековым владело самое настоящее мальчишеское нетерпение.

* * *

– Я не стал излишне пугать его. Зачем? Полученной информации будет для него более чем достаточно. А что касается остального...

Чепуров замолчал, но возникшая в его монологе пауза была многозначительна. Сидевший напротив шефа Валерий Юдаев с понимающим видом кивнул. За время своей службы в СВР он не раз разыгрывал подобные многоходовые партии, и гамбит Чепурова был ему ясен. Все как в шахматах. Есть поле для деятельности, есть фигуры, способные перемещаться по-разному и порой независимо друг от друга. Есть и определенная значимость каждой из этих фигур. Функциональная нагрузка. Однако Юдаев не мог не задать вопроса, навязчиво крутившегося на кончике его языка.

– А когда он узнает о гибели французских ученых, не запаникует?

– Ученых? – Рыжая шевелюра Романа Леонидовича, сидевшего спиной к единственному источнику освещения в его кабинете, напоминала сейчас огненные всполохи. – Вы невнимательно ознакомились с материалами этого дела, майор? – карандашом, зажатым в пальцах на манер сигареты, Чепуров указал на коричневый конверт в руках Юдаева, выполненный из плотной грубой бумаги. – Насколько известно мне самому, речь пока идет о гибели только одного ученого. Анри Фери. В отношении двух других представителей парижского научно-исследовательского института, Франсуа Вуалье и Робера Кристана, я бы не стал торопиться с выводами. Нам ничего не известно об их судьбе... Подозреваю, что и французская разведка блуждает во мраке. Так что не стоит сгущать краски, майор. Тем более вам это совершенно не идет, – Чепуров холодно улыбнулся. – Но, отвечая на ваш вопрос, скажу следующее. Нет, я не думаю, что профессора Мещерекова напугает насильственная смерть его западноевропейского коллеги. Обескуражит, да. Возможно, озадачит. Это я тоже допускаю. Но в совокупности данное обстоятельство скорее подстегнет его профессиональный интерес. Загадки – его стихия.

И чем они обширнее, тем больше азарт. Меня волнует и чрезвычайно беспокоит совсем другое, майор. Я не хочу, чтобы нашего уважаемого профессора преждевременно постигла участь Анри Фери. Мне слабо верится в то, что за всей этой историей стоят арабские экстремисты. В целом, это возможно, конечно. Но есть и огромная доля вероятности того, что это игры «Моссада». – Чепуров помолчал. – Суммируя вышесказанное, думаю, мне не надо объяснять вам, майор, что основные задачи ложатся именно на ваши плечи. Гарантировать безопасность Мещерекова – это одно, и совсем другое – вероятность того, что вам придется вступить в противоборство с израильской спецслужбой. Разумеется, вы можете рассчитывать на любую поддержку со стороны СВР, если таковая потребуется, но по возможности... Чем меньше огласки и чем уже круг посвященных, тем лучше...

Юдаев молча внимал получаемым инструкциям, не протестуя и не пытаясь вклиниться в тираду Чепурова со своей точкой зрения. Таковая имелась у Валерия, но он предпочитал помалкивать. Ему было совершенно ясно, что если шеф решил вступить в эту игру и втянуть в нее подчиненного, то отступать от намеченного уже не станет. Не в его характере. Стало быть, и у него, Валерия, выбора, как такового, не было.

Оставалось выяснить лишь детали, частности. Юдаев покрутил в руках коричневый конверт, припоминая суть его содержимого. Исключая форс-мажорные обстоятельства, выходить на прямой контакт с профессором Мещерековым ему не было никакой необходимости. Только наблюдение со стороны. Однако именно в случае форс-мажора принимать решение Юдаеву придется самостоятельно. На свой страх и риск. Как это часто случалось за время его практики. Так что в общем и целом нынешнее задание, полученное майором от Чепурова, мало чем отличалось от всех предыдущих.

– Где он остановился?

– Отель «Шалац». Номер триста одиннадцатый. Уже сегодня к вечеру он будет на месте. – Чепуров немного отклонился назад, и его шевелюра, казалось, вспыхнула еще ярче, подобно костру, в который кто-то заботливо подбросил хворосту. – Вы вылетите из Москвы, майор, рейсом в 18.45. Таким образом, ваше отставание от Мещерекова будет составлять в итоге не более трех-четырех часов. На начальном этапе это не страшно. Едва ли «Моссад» сразу развернет какие-либо активные действия, направленные против нашего ученого...

– Как насчет оружия?

По оговоренной ранее легенде, Юдаев отправлялся в Иерусалим как крупный частный предприниматель в области машиностроения. На территории России, все по той же легенде, у него оставались жена и двое несовершеннолетних детей. К такого рода «гостям», учитывая стабильное положение, относятся более лояльно, и проверки на таможенной службе не столь жестки. И тем не менее беспрепятственно провезти с собой огнестрельное оружие не удастся. Значит, у Чепурова имелись собственные предположения на сей счет. Так оно и оказалось.

Роман Леонидович отложил в сторону свой многострадальный карандаш, почесал левую бровь и, не глядя на майора, спокойно произнес:

– В том же отеле работает администратором некто Марк Розенфельд. Пожилой уже человек, покинувший Россию в советские времена и к настоящему моменту основательно пустивший корни на исторической родине. У нас налажен контакт с ним, и прежде Розенфельд ни разу не подводил в определенных щекотливых вопросах. Думаю, что осечки не произойдет и на этот раз. У Розенфельда свои связи, свои каналы... Вы обратитесь к нему, майор, и он сделает все, что необходимо.

Юдаев в знак согласия качнул головой. Пока, на данном этапе, для него все было предельно ясно, а задавать ненужные вопросы всегда было не в его духе.

– Разрешите идти? – Валерий поднялся, машинально расправляя широкие округлые плечи.

– Идите, майор, – голос Чепурова мгновенно сделался усталым и отрешенным. – Держите меня в курсе дела.

Он молча наблюдал за тем, как Юдаев развернулся, пересек пространство его кабинета и вскоре скрылся за дверью. Некоторое время Чепуров еще сидел в полной неподвижности, затем подался вперед, и рука привычно ухватила трубку расположенного слева телефонного аппарата.

* * *

Касан наклонил голову, благополучно миновал низкое дверное перекрытие и вошел в комнату. Негромко работающий телевизор возле дальней стены передавал программу новостей. Касан лишь мимолетно взглянул на экран, прошел к глубокому кожаному креслу и буквально упал в него всей своей массой, вытянув вперед длинные, как у цапли, ноги. Он взял с подлокотника пульт дистанционного управления и совсем убрал звук.

– Уже видел сегодня Нафеза?

Касан повернул голову. Сидящий за обеденным столом Дауд, невысокий коренастый мужчина с короткой темной стрижкой и густой бородой, скрывавшей едва ли не большую часть лица ее обладателя, ни на секунду не прервал своей трапезы, ловко орудуя столовым прибором. Дауд был в одном трико, выставляя на обозрение посторонних глаз густо поросшую волосами широкую грудную клетку. На вопрос Касана он только отрицательно покачал головой. Синхронное движение скрытых бородой челюстей свидетельствовало об активности жевательного процесса.

– Я звонил ему, – поделился Касан с соратником имеющейся у него скудной информацией. – Он ничего не сказал мне по этому поводу, но я понял, что ему уже все известно. Возможно, даже больше, чем нам... Он был краток. Сказал, что скоро прибудет...

– В бешенстве? – поинтересовался Дауд перед тем, как отправить в рот очередную порцию тушеных бобов.

– Трудно сказать. Ты же знаешь Нафеза... Одному Аллаху известно о том, что творится в недрах его души. Передавали что-нибудь новое? – Касан коротко взмахнул рукой в направлении работающего в беззвучном режиме телевизора.

– Ничего. – Густая брода Дауда замерла в одном положении. – По всем каналам гоняют одно и то же. Она убила французского ученого из каких-то религиозных соображений, в мотивации которых сейчас активно пытается разобраться «Моссад». Французские власти тоже времени даром терять не станут. Показывали арабские гетто... Эти собаки!..

– Обойдемся без эмоций, Дауд, – осадил его Касан. – Ты не хуже меня знаешь, что все это – липа. Чистейшая липа. Об этом знает и Нафез... И решение, которое он примет, наверняка будет соответствовать...

Чему будет соответствовать это решение, Касан так и не успел сказать. Скрип плохо смазанных дверных петель заставил его осечься на середине предложения и порывисто развернуться в кресле. Через секунду Касан уже был на ногах, с почтением встречая вошедшего в помещение смуглого мужчину с широкими, четко очерченными скулами и крючковатым орлиным носом. На голове вошедшего красовался большой, свисающий по краям белый платок, делая его лицо немного уже, но нисколько не скрадывая его благородных черт. Скорее наоборот, подчеркивая их.

Дауд тоже оставил свое занятие, отодвинул тарелку в сторону и поднялся из-за стола. Взгляд, которым он встретил появление мужчины в белом платке, был полон почтения и даже некоторого раболепия.

– Вечер добрый, Нафез, – Касан позволил себе улыбнуться, делая шаг навстречу одному из самых беспощадных лидеров экстремистских группировок.

Ответного приветствия из уст Нафеза Анбааса не прозвучало. Несколько секунд он молча и неподвижно стоял на одном месте, перебирая четки пальцами левой руки и стремительно охватывая взглядом все убранство комнаты. Черные, как два истлевших до основания уголька, глаза остановились на экране телевизора. Ни Дауд, ни Касан, ни двое других мужчин в темной одежде, зашедших в комнату следом за Нафезом и остановившихся в проеме, не смели нарушать эту длительную паузу.

Наконец все так же безмолвно Нафез поднял вверх правую руку, и, подчиняясь этому сигналу, его грозное сопровождение ретировалось, в очередной раз скрипнув дверью.

– Выключи, – коротко распорядился Нафез. – Совсем.

Касан поспешно схватил пульт и погасил мерцающий экран. Бросил его на сиденье. Дауд вытер бороду рукавом. О жестокости и частой неадекватности реакций Нафеза Анбааса ходили легенды, многие из которых, без сомнения, были правдивы. Анбааса боялись не только его враги. Он был способен породить животный страх и в сердцах своих соплеменников. Нафез слыл одним из самых ярких поборников священной веры, и мало кто отдавал всего себя правому делу так же самоотверженно, как он.

– Они использовали ее, – негромко заговорил Нафез голосом, способным заморозить пламя. – Они использовали ее по полной программе. Именно ее. Айсану... Женщину, которую я люблю. Которая дорога мне больше, чем собственная жизнь. Они не могли ударить меня сильнее. – Пальцы, сжимавшие четки, побелели от напряжения. – Неверные бросили нам открытый вызов, на который мы не можем не ответить. И дело тут не только в Айсане... Своей последней акцией «Моссад» осквернил и священное место богов. Они замахнулись на Руджум Аль-Хири... Или, как они именуют его на своем поганом языке, Гилгал Рефаим.

Нафез не обращался ни к кому конкретно. Ни Касан, ни Дауд так и не смогли поймать на себе ни единого его взгляда. Глаза Нафеза были устремлены в пустоту. В некую абстрактную, видимую только им самим точку. Он будто разговаривал с самим собой.

– Не я, а Аллах требует от нас сейчас немедленного вмешательства, – продолжил он. – Указующий перст Руджума Аль-Хири дает знать нам от имени Высшего Разума, что правда на нашей стороне. Это вмешательство... Иначе и быть не может.

Нафез взял четки в обе руки, и его пальцы вновь заходили в привычном ритме. Он сделал два шага вперед, и только сейчас взгляд его черных глаз сфокусировался на лице Касана. Взгляд этот не предвещал ничего хорошего, и Касан почувствовал холодок, пробежавший вдоль его позвоночника.

– Я просил вас найти Айсану прежде, чем случится что-то... Что-то вроде того, что случилось. Вы с Даудом оказались не слишком проворны. Не так ли, Касан?

– Нафез, мы...

– Не нужно оправданий. У вас есть только один способ доказать верность Высшему Разуму и нашему общему священному делу. Верните ее! Я хочу, чтобы вы любой ценой выпарапали ее из лап неверных. Даже если вам потребуется умереть за это. Я ясно выражаюсь, Касан?

– Да, Нафез.

От позвоночника предательский холодок разлился по всей спине. Более того, Касан почувствовал, как леденеют кончики его пальцев рук. Анбаас фактически выносил им с Даудом смертный приговор. Он требовал от единоверцев невозможного. И Касан знал, что Нафезом движут сейчас две самые несокрушимые силы. Фанатизм и любовь.

Дауд затравленно переглянулся с соратником. Его присутствия Нафез и вовсе не замечал, относясь к нему как к пустому месту или неодушевленному предмету. Вероятно, таковым Дауд для него и был. Но вряд ли и он сам, и Касан догадывались о том, что в действительности творилось сейчас в душе Нафеза.

Айсана! Ее образ стоял перед глазами Нафеза сейчас как живой. Айсана! Он не мог думать ни о чем другом. Не мог и не хотел. Это было выше его сил. Все мысли сводились только к ней. Меньше всего на свете широко известному лидеру арабских экстремистов хотелось потерять ее. Потерять безвозвратно.

– Я даю вам три дня, – хлестко изрек он, и, считая уже излишним добавлять что-либо к сказанному, Нафез развернулся и направился к выходу.

Скрипнула дверь. Дауд опустился на стул и вытер друг о друга вспотевшие ладони. Касан остался неподвижно стоять в прежней позе. Его внутреннее напряжение выдавали застывшие, как на фото, мускулы лица.

– Интересно, как к этому относится его жена, – нарушил молчание Дауд по истечении десятиминутного интервала с того момента, как они с Касаном остались в комнате вдвоем. – Он ведь ее тоже любит. Да, Касан? Или Айсана представляет собой...

Касан резко развернулся. Лицо его исказилось от гнева.

– О чем ты думаешь, Дауд?! – взорвался он. – Какое значение для нас с тобой сейчас могут иметь личные привязанности Нафеза? Ты что, не почувствовал, как в лицо тебе пахнуло смертью?

– Я думал, мы оба были готовы к этому запаху...

Касан только поморщился. Он не был настроен так фанатично, как большинство членов их группы. Он склонен был относить себя к более здравомыслящим существам, но, высказись он об этом открыто, Нафез наверняка распорядится публично разорвать на куски отступника.

Касан сел в кресло и вновь включил телевизор. То ли по иронии судьбы, то ли в силу фатального стечения обстоятельств на экране крупным планом возникло миловидное смуглое лицо девушки. Касан вздрогнул от неожиданности. Это была Айсана Хаши-Ула. Только с непривычными для нее длинными волосами.

* * *

Испытывая самый настоящий священный трепет перед одной из самых крупных загадок прошлого, Мещереков опустился на колени и почти любовно коснулся пальцами гладкой поверхности одного из гигантских камней. Размеры каждой глыбы в отдельности, составляющей кладку внешнего, сохранившегося лучше всех остальных концентрического круга, действительно впечатляли. Поверить в то, что заложить их могли обычные люди, не представлялось возможным. Блок, первым привлекший внимание профессора, даже по самым скромным подсчетам никак не мог быть меньше шести футов высотой и одиннадцати футов толщиной. Такой «камешек» по весу определялся где-то в пределах двадцати тонн. Как он мог оказаться в кладке? Да и его «соседи» мало чем уступали ему в габаритах.

Мещерековым владела самая настоящая эйфория, понять происхождение которой мог только истинный ученый, для которого предметы изучения отождествлялись с чем-то живым, наполненным своей внутренней энергетикой. Прежде Олегу приходилось наблюдать это подобие легендарного Стоунхенджа только на фотографиях. Ну и, конечно, не мало было проштудировано и документальной литературы.

Действительно, геометрически точные концентрические кольца завораживали взор. Древнейший памятник мегалитической культуры – ровесник, а может быть, старше египетских пирамид! Ученые не исключали и такой возможности. Но все попытки объяснить архитектуру кругов пока еще не увенчались успехом. Загадкой оставался народ, который воздвиг грандиозное святилище. Мещерекову доводилось сталкиваться с абсолютно абсурдными, на его взгляд, мнениями о том, что загадочное сооружение построили некие посланцы других планет.

Однако одно он знал точно. На карте мира появилась еще одна мегалитическая обсерватория, по значимости и сложности устройства равная Стоунхенджу и Аркаиму. Олег поднялся

с колен и осмотрелся. Взгляд невольно остановился на центральной точке монумента. Нечто вроде кургана или могильной насыпи диаметром в шестьдесят пять футов. Это цифра была точной, и Олег знал о ней. Рядом с курганом остановились трое туристов. Двое мужчин и одна девушка. Мужчина повыше в белой рубашке с широко распахнутым воротником что-то увлеченно рассказывал своим спутникам, активно жестикулируя обеими руками, но слова не долетали до Мещерекова.

Внимательно разглядывая почву под ногами, Мещереков двинулся вперед. Мужчина в белой рубашке развернулся к нему обветренным лицом и многозначительно ткнул пальцем вверх. Олег невольно, как и двое других туристов, проследил за направлением указующего перста.

– В девяносто первом году, – теперь мужчина почти кричал, и Олег мог слышать его восторженный, то и дело срывающийся на фальцет голос, – здесь сняли на видеокассету некий летающий объект. Причем запись получилась очень четкой. Да! Даже специалисты признали ее подлинность. Честное слово! – Он говорил так, будто лично присутствовал при изучении записей и чрезвычайно гордился этим фактом своей биографии. – Но и это еще не все! Еще раньше, в восемьдесят девятом, над пляжем Шикмона потерпел крушение НЛО. Удалось обнаружить множество его обломков и куски металла...

Мещереков не стал слушать дальше. Его личное мнение было далеким от версии, связанной с инопланетными пришельцами. Олег двинулся влево. Его сегодняшний первый визит к Кругу Рефаимов носил чисто ознакомительный характер. Он даже не взял с собой ничего, кроме камеры. Хотя в какой-то момент он и пожалел об отсутствии компаса. Об этом малоизвестном феномене кругов также немало говорилось в прессе, и Олег намеревался проверить его на практике. Говорили, что стрелка компаса, принесенного в сооружение, начинает метаться, как сумасшедшая, но в то же время никаких залежей железных руд или чего-то подобного обнаружено здесь не было.

Неожиданно Олег остановился. В первое мгновение он и сам не мог понять, что вдруг привлекло его повышенное внимание. Какая-то деталь... Нечто инородное, несвойственное общему положению картины. Опустив голову, профессор пригляделся более внимательно и уже без лишнего труда обнаружил объект своего интереса. Он вновь опустился на колени. Из грунта торчала небольшая бамбуковая тросточка. Или, вернее, ее небольшая часть со срезом в верхнем основании. Олег ощупал пальцами этот срез. Без сомнений, он был сделан ножом, и из этого следовало, что некий непонятный ему эксперимент проводился уже в недалеком современном прошлом. Кто-то был здесь и...

Пальцы Мещерекова скользнули ниже. В трех сантиметрах от среза к тросточке была привязана тонкая прочная нить, общей длиной не более десяти сантиметров. Олег нахмурился, пытаясь представить, для чего могло понадобиться подобное приспособление, но никакого объяснения в голову не приходило. Пока не приходило... Мещереков отстегнул от пояса цифровой фотоаппарат и сделал несколько снимков с двух или трех разных ракурсов. Все еще стоя на коленях, он огляделся, но уже ничего аналогичного в пределах видимости обнаружить не смог. Олег повернул голову на северо-восток.

Прямо по линии, пересекающей центральный курган, в поле его зрения лежал вход внутрь сооружения, через который, согласно заявлениям профессора Гарвардского университета Йонатана Мизрахи и профессора Энтони Авени, сделанным в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, падали первые солнечные лучи во время летнего солнцестояния. С противоположной стороны должен был находиться и юго-восточный вход. Мещереков повернулся в другую сторону. Так оно и было. Вход, через который открывался вид на Сириус. Подобно большинству ученых, Мещереков полагал, что это не случайное совпадение. И, возможно, именно это обстоятельство способно дать ключик ко всей загадке Гилгал Рефаима. Олег поднялся и вновь защелкал камерой. Сначала в одном, затем в другом направлении.

Невольно на губах русского ученого появилась интригующая улыбка, откликнувшаяся на мысли в его собственном сознании. Раскроет ли Круг Рефаимов ему свои радушные объятия? Повезет ли ему в поисках больше, чем всем прочим предшественникам?

Олег решил обойти монумент по внешнему периметру, оставив изучение могильной насыпи, что называется, «на десерт».

Он и сам не заметил того, что провел на плато весь день. Время пролетело незаметно, и Мещереков обнаружил это лишь в тот момент, когда багрово-красный диск солнца окончательно скрылся за горизонтом. Однако и в полутемном салоне такси, в котором Мещереков возвращался обратно в отель, на протяжении всего пути следования его мысли неотступно вертелись вокруг загадочного монумента. «Думай, Олежек, думай», – подстегивал он самого себя. Природа коварна и просто так без борьбы не сдаст своих позиций. Но если это послание?..

Закрывшись в номере отеля, Мещереков, наплевав на усталость сегодняшнего дня, подсел к своему ноутбуку. Его клонило ко сну, но он твердо решил, что не позволит себе лечь, не завершив запланированного. Первым делом Олег перекачал на компьютер сделанные им сегодня снимки. Затем раскрыл карту Гилгал Рефаима и по возможности точно нанес на нее место, где им была обнаружена бамбуковая тростинка. Потерев красные от переутомления глаза, Мещереков уставился на экран. С минуту разглядывал карту, после чего щелкнул мышкой и развернул изображение на девяносто градусов. Через пару минут молчаливого созерцания он развернул ее еще на девяносто. В целом картина никак не менялась.

Оставив карту на экране монитора в качестве закладки, Олег «зашел» в папку с документами и вывел на экран статью Брюса Куртиса. Он помнил ее почти наизусть, но сейчас... Сейчас ему хотелось взглянуть на нее по-новому. Через призму личных наблюдений и выводов.

«Енох говорит нам, что такие символы, как Кольца Рефаимов, являются частью гораздо большей коммуникационной системы, а именно той, что исходит от Высшего Разума. И Высший Разум периодически нисходит в земное измерение, чтобы помогать развитию человечества».

Мещереков закинул руки за голову и сцепил пальцы на затылке. Высший Разум... Ключи Еноха... Если послание дано именно для того, чтобы быть расшифрованным, значит, человечество просто обязано это сделать. Обязано его расшифровать. Но как?

Где-то должен таиться ключ. Мещереков не мог больше бороться с истощенным организмом, и его веки сомкнулись. Перед мысленным взором возник гигантский блок весом в двадцать тонн. Затем бамбуковая тросточка, обрывок нити, два входа. Сириус...

– Ключ, – глухо сорвалось с уст профессора перед тем, как он окончательно погрузился в сладостные объятия Морфея, сидя перед работающим ноутбуком. – Ключи Еноха...

Олег не подозревал, что через скрытый в висевшей за его спиной на стене гостиничного номера картине глазок видеокамеры за ним и его действиями ведется пристальное наблюдение. Изображение посредством этого «всевидящего ока» исправно передавалось на монитор, расположенный в маленьком цветочном фургончике, скромно припаркованном в пределах одного квартала от отеля «Шалац». Туда же, в этот фургончик, поступали и любые звуки, издаваемые в номере Мещерекова.

Внутри фургона сидели двое, чьи лица тонули в полумраке тесного помещения. Тот, что располагался ближе к экрану, сделал неторопливый глоток крепкого черного кофе и опустил чашку себе на колено.

– Что это еще за Енох?

Его напарник склонился ниже, вглядываясь в изображение на экране.

– Увеличь-ка картинку, – посоветовал он. – Посмотрим, что там он такое читает.

– Кто такой Енох? – не унимался первый.

– Ты меня не слышал? Увеличь картинку.

– Увеличь сам, – первый освободил место второму у экрана, а сам, поддерживая за доньшко чашку с кофе, отошел в сторону настолько, насколько это позволяли габариты фургона. – А пока я свяжусь с Меером. Может, он знает про Еноха...

– Дался тебе этот Енох, – саркастически произнес второй наблюдатель, занимая позицию у монитора. – Это же ученые, Симон. У них всегда мозги набекрень. Сам черт ногу сломит...

– Я все же позвоню Мееру.

– Как знаешь.

Глава 4

– В последнее время мне не нравится его настрой. Нет, скажу больше. В последнее время он вообще мне не нравится. Взять, к примеру, последнее дело...

Некрасивое от природы, морщинистое лицо Мориса Гляссе заметно омрачилось. Он наклонился вперед и постучал пальцем по досье Перетье, лежавшем поверх стопки других досье перед главой департамента Жаком Антьером. Гляссе и Антьер, невзирая на субординацию и огромную разницу в занимаемых положениях, с незапамятных времен сохраняли меж собой прекрасные дружеские отношения. Были, что называется, на короткой ноге. В прошлом их связывало немало, и, когда Гляссе оставался наедине с Антьером, он мог позволить себе, мягко говоря, неуставные отношения.

– Ты не выполнил свое домашнее задание, Жак, – вызывающе отреагировал Гляссе на последнее высказывание собеседника. – Иначе бы ты знал, что Венсан Перетье куда больший патриот, чем мы с тобой, вместе взятые. Немногие люди сделали больше для своей страны. И сейчас немного людей такого сорта осталось в живых. Перетье из тех, кто до сих пор полагает, что рукопожатие является контрактом, а слово мужчины – его обязательством. Да-да, Жак. Это несмотря на его кажущееся безразличие ко всему окружающему... Он может быть хитрым, как черт, если считает, что помогает охранять достояние Французской Республики...

– Не слишком ли много похвал? – язвительно усмехнулся Антьер. – Если Перетье понимает всю серьезность ситуации, почему он ведет себя подобным образом?

– Как?

– Чересчур вызывающе.

Гляссе ответил не сразу. Он молча посмотрел в грустные зеленые, как два изумруда, глаза Антьера, затем перевел взгляд на экран монитора, стоящего справа от главы департамента, где во всей своей красе разместилась электронная схема Иерусалима. Некоторые места на схеме были обозначены разноцветными кружками, каждый из которых имел свое обозначение. «Моссад», место гибели Анри Фери, гостиница, в которой останавливался последний, точки, где предположительно последний раз была установлена связь с пропавшими Кристаном и Вуалье. И, естественно, плато Голаны с расположенным на нем Кругом Рефаимов. Минуту назад Антьер нанес на схему еще один кружок темно-синего цвета, обозначив таким образом потенциальное присутствие Перетье.

– Ты серьезно недооцениваешь Венсана, – сказал Гляссе почти с грустью. – Ты не знаешь и не можешь этого знать, а я готов поспорить, Жак, что, вероятно, в эту самую минуту Перетье обдумывает, как сделать свое предстоящее расследование наиболее эффективным. Он сделает все возможное...

– Попридержи свои панегирики до соответствующих времен, – осадил Гляссе Антьер. – Есть еще кое-что, о чем ты пока не знаешь, Морис.

– Что еще?

Досье на Венсана Перетье вместе с остальными пухлыми папками скрылось в верхнем ящике стола Антьера. Похоже, что вопрос с кандидатурой агента был полностью исчерпан, и это обстоятельство не могло не вызвать у Гляссе чувство облегчения. Но, судя по всему, Антьер приготовил ему другой, еще менее приятный сюрприз. Об озабоченности главы департамента свидетельствовали морщинки в уголках глаз и плотно сжатые тонкие губы.

– В это дело вмешались русские, – Антьер склонился к компьютеру и нанес на экран еще один кружок ярко-красного цвета. – Они направили в Иерусалим своего ученого, и я думаю, что это вряд ли можно расценивать как простое совпадение.

– Ты думаешь?..

– Я уверен, – жестко изрек Антьер. – Ученый – это только верхушка айсберга. Нет никаких сомнений в том, что русским уже известно об истории с нашими учеными и о роли арабских экстремистов в данном деле. Интерес со стороны «Моссада» тоже не остался без внимания. Ученого будут прикрывать. Кто и каким образом, мне пока неизвестно. Этот пункт также предстоит выяснить Перетье... Раз уж ты сделал ставку именно на него, Морис. Но, в любом случае, я не хочу, чтобы русские обставили нас и сорвали лавры. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.